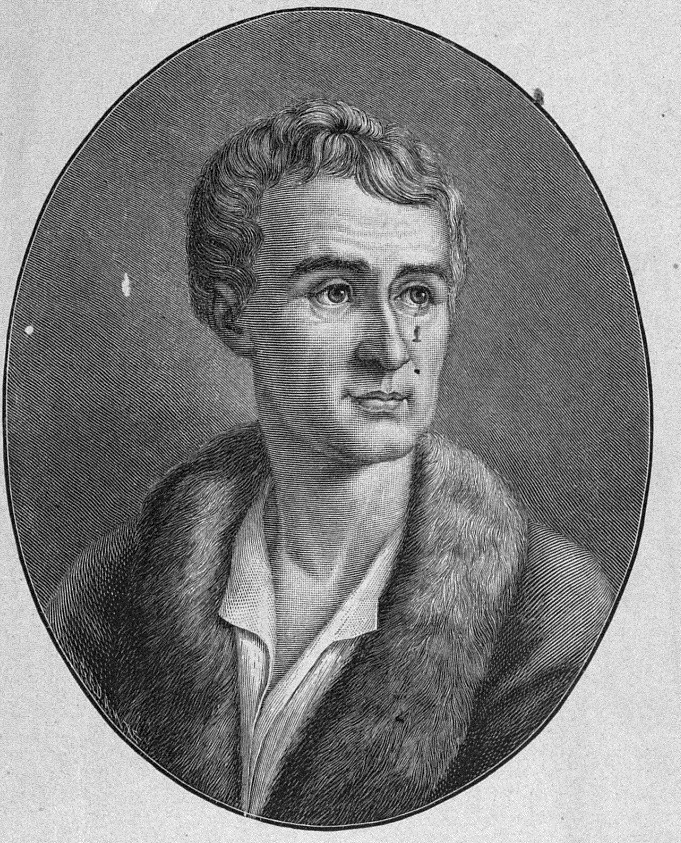

Руссо.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Н. Южакова

Съ портретомъ Жанъ-Жака Руссо, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

В
37

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Больш. Подъяч., № 39

1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Августа 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческая фигура Жанъ-Жака Руссо.

Страстное отношеніе современниковъ къ личности и идеямъ Руссо.—Поклоненіе публики. — Ненависть и гоненія феодаловъ и клерикаловъ. - Ненависть и вражда Вольтера и энциклопедистовъ.— Увлеченіе молодого поколѣнія.—То же страстное отношеніе потомства.—Оппозиція со стороны Руссо литературы просвѣщенія.—Пропаганда культуры и просвѣщенія Вольтеромъ и энциклопедистами.— Пропаганда правъ личности, ея свободы и равенства въ сочиненіяхъ Руссо.—Подготовленіе буржуазіи и подготовленіе демократіи.—Глубокія антитезы, замѣченныя Руссо,—Ихъ значеніе въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Историческая характеристика личности Руссо 7

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подготовительный періодъ.

Предки и родители Руссо.—Женева.—Рожденіе и первоначальное воспитаніе.—Первыя проявленія духовной жизни.—Разлука съ отцомъ.—Школа въ Боссэ.—Добрыя сѣмена.—Злое сѣмя.—Раннее пробужденіе чувственности.—Несправедливое наказаніе.—Двѣ любви.— Въ ученикахъ.—Бѣгство.—Обращеніе въ католичество —Первое пребываніе у Варранъ.—Странствія.—Идиллія съ Варранъ.—Самообразованіе.—Музыка.—Дипломатическая служба.—Тереза Левассеръ.— Литературные опыты и знакомства. 17

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Литературная дѣятельность.

Пробужденіе литературнаго призванія.—Диссертація о вліяніи наукъ на нравы.—Красота изложенія и глубина содержанія.—Громадное впечатлѣніе.—Полемика.—Диссертація о причинахъ неравенства.—Правда и заблужденія этого замѣчательнаго произведенія.—Его значеніе.—Полемика.—Письмо къ Даламберу.—«Новая Элоиза».—Неслыханный успѣхъ.—Несравненный авторитетъ Руссо.—«Общественный договоръ».—Историческое значеніе этого послѣдняго параграфа политической философіи Руссо.—«Эмиль».—Впечатлѣніе на современниковъ.—Гоненія.—Другія литературныя произведенія.—Итоги. 47

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдній періодъ жизни Руссо.

Женитьба.—Семья и дѣти.—Измѣненіе образа жизни.—Независимость.—«Эрмитажъ».—Разрывъ съ друзьями.—Монморанси.—Бѣгство и гоненія.—Невшатель.—Англія.—Душевная болѣзнь.—Послѣдніе годы.—Смерть.—Общая характеристика.—Заключеніе . . 62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Руссо до сихъ поръ не дождался обширной, безпристрастно обработанной біографіи. Назову наиболѣе извѣстные или наиболѣе важные источники:

«Les Confessions de J. J. Rousseau». Nouvelle édition, précédée d'une notice par George Sand. Paris. 1847. «Исповѣдь» остается все-таки важнѣйшимъ источникомъ біографіи. Вторая половина, писанная во время болѣзни, менѣе заслуживаетъ довѣрія. Я пользовался изданіемъ 1847 года, гдѣ примѣчанія и предисловіе Жоржъ Зандъ даютъ нѣкоторыя полезныя поясненія.

«Les Grands Écrivains Français. J. J. Rousseau», par Arthur Chuquet. Paris. 1893. Эта послѣдняя по времени біографія знаменитаго писателя входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ предпринятое фирмою Гашетъ изданіе краткихъ и популярныхъ біографій и характеристикъ. Преобладаютъ характеристики, біографическій матеріалъ очень сжатъ. Работу Шюке можно рекомендовать, какъ отличный конспектъ, довольно безпристрастный. Относясь часто отрицательно къ идеямъ Руссо, авторъ не старается за это чернить его личность. Именно такой характеръ носитъ слѣдующая книга:

«La vie et les oeuvres de J. J. Rousseau», par Henri Beaudouin. 2 vols. P. 1891. Это самая подробная біографія Руссо, но написана фанатическимъ клерикаломъ и исполнена нетерпимости. Пользоваться этимъ нѣсколько мутнымъ источникомъ надо съ большой осторожностью.

«Rousseau», by John Morley. 2 vols. London 1888. Это

третье изданіе извѣстнаго труда англійскаго политическаго дѣятеля. Данныя нѣсколько устарѣли, изложеніе добросовѣстное, точка зрѣнія отчасти проникнута той спеціально англійской религіозностью, которую на континентѣ Европы привыкли называть фарисействомъ. Существуетъ русскій переводъ, но послѣ нѣсколькихъ на удачу сличеній я предпочелъ пользоваться англійскимъ подлинникомъ.

Этими четырьмя работами исчерпываются важнѣйшіе источники, объемлющіе всю жизнь и дѣятельность Руссо. Для отдѣльныхъ эпизодовъ его жизни имѣются важныя спеціальныя изслѣдованія:

«Madame de Warens et J. J. Rousseau». Étude historique et critique par Fr. Mugnier. Paris. 1891. Интересное изслѣдованіе о жизни и судьбѣ баронессы Варансъ, имѣвшей такую важную роль въ молодости Руссо. Добросовѣстное изложеніе и обиліе новыхъ мѣстныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ сохранившихся на мѣстѣ документовъ и писемъ, характеризуютъ эту работу.

«Voltaire et Rousseau», par Gaston Mougras. Paris. 1886. Предметъ книги—полемика между двумя мыслителями и ея закулисныя отраженія и пружины. Мугра довольно явственно старается склонить вѣсы своего сужденія въ пользу Вольтера. Во всякомъ случаѣ книга интересная и полезная.

«La folie de J. J. Rousseau», par le d-r Chatelain. Paris. 1890. Интересное изслѣдованіе душевной болѣзни, омрачившей послѣдніе годы Руссо.

John Grand-Carteret. «J. J. Rousseau, jugé par les français d'aujourd'hui». Paris. 1890. Собраніе интересныхъ статей современныхъ французскихъ писателей. Нѣкоторыя изъ нихъ даютъ полезныя біографическія указанія, напр. статьи Русселя, Кастеллена и др.

Что касается оцѣнки дѣятельности Руссо, то литература эта такъ обширна, что исчисленіе ея здѣсь было бы и неумѣстно, и невозможно. Неумѣстно потому, что главная задача этой работы—жизнеописаніе. Невозможно же въ виду обширности.

С. Ю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческая фигура Жанъ-Жака Руссо.

Страстное отношеніе современниковъ къ личности и дѣямъ Руссо.—Поклоненіе публики.—Ненависть и гоненія феодаловъ и клерикаловъ.—Ненависть и вражда Вольтера и энциклопедистовъ.—Увлеченіе молодого поколѣнія.—То же страстное отношеніе потомства.—Оппозиція со стороны Руссо литературѣ просвѣщенія.—Пропаганда культуры и просвѣщенія Вольтеромъ и энциклопедистами.—Пропаганда правъ личности, ея свободы и равенства въ сочиненіяхъ Руссо.—Подготовленіе буржуазіи и демократіи —Глубокія антитезы, замѣченныя Руссо.—Ихъ значеніе въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Историческая характеристика личности Руссо.

Немного именъ найдется во всемірной исторіи, которыя вызывали бы нетерпимо страстное отношеніе къ себѣ одинаково среди современниковъ и среди потомковъ и вокругъ которыхъ втеченіи жизни многихъ поколѣній скоплялись бы цѣлыя тучи любви и ненависти, поклоненія и злобной, непримиримой вражды. Такія рѣдкія имена носили особые избранники человѣчества, отмѣтившіе своими дѣлами цѣлыя историческія эпохи, давшіе толчокъ и направленіе цѣлымъ могучимъ историческимъ теченіямъ, положившіе основанія для могущественныхъ общественныхъ переворотовъ, глубоко повліявшіе на положеніе, интересы, самосознаніе и самочувствіе обширныхъ населеній и многихъ поколѣній... И такими могучими личностями являются обыкновенно не *дѣятели* въ тѣсномъ смыслѣ слова, не тѣ, которые производятъ политическіе и соціальные перевороты, какъ бы ни были велики ихъ силы, какъ бы ни были громадны событія, воплотившіяся въ ихъ дѣятельности. Современники ихъ любятъ и ненавидятъ, поклоняются и про-

клинаютъ. Но съ ихъ кончиною, съ завершеніемъ ихъ исторической эпохи наступаетъ болѣе спокойный судъ потомства. Для него дѣятельность такихъ великихъ людей является любопытной страницей исторіи,—страницей поучительной или возмутительной, отрадной или печальной, достойной подражанія или порицанія. Но она уже, эта дѣятельность, не вызываетъ страстей, не возбуждаетъ ни непримиримой вражды, ни пылкаго поклоненія. Исторіей этихъ личностей общественныя партіи конечно пользуются въ своихъ интересахъ, каждая по своему, но онѣ пользуются для этого и законами природы, и открытіями науки, и изобрѣтеніями техники... Странно было бы, еслибы напримѣръ теперь, въ настоящее время, возбуждали страсти вокругъ себя и своего имени герцогъ Альба, Вильгельмъ Оранскій, Оливеръ Кромвель, Вашингтонъ, даже Робеспьеръ и Наполеонъ, даже недавно сошедшій со сцены Гарибальди. Для потомства—это изжитые моменты, фигуры прошлаго, очень значительнаго конечно, но тѣмъ не менѣе прошлаго несомнѣнно. Событія, въ которыхъ участвовали эти большіе люди, еще такъ или иначе вліяютъ на жизнь потомковъ, но не сами личности, которыя умолкли и которыя уже не возьмутъ судьбы міра въ свои сильныя руки... Міру нечего отъ нихъ ждать и нечего опасаться. Ихъ можно порицать, но для ненависти нѣтъ мѣста. Ихъ можно осыпать похвалами и благодарностью, но послѣдователей они имѣть уже не могутъ. Ни за ними, ни противъ нихъ никто уже не пойдетъ, никому они не помогутъ, никому не повредятъ. Дѣянія такихъ людей переживаютъ ихъ короткую жизнь, но не ихъ личность, которая, переставая жить, перестаетъ быть и активнымъ элементомъ исторической жизни, перестаетъ принимать въ ней непосредственное участіе...

Великіе люди другого типа, великіе *мыслители*, имѣютъ иную судьбу. Затребованные ими идеалы остаются многія поколѣнія послѣ ихъ смерти дѣятельнымъ элементомъ исторіи, увлекая за собою однихъ, возбуждая противъ себя другихъ. Сила ихъ доводовъ, ихъ краснорѣчивое слово звучитъ многіе вѣка послѣ ихъ смерти, созывая сонмы новыхъ поклонниковъ и послѣдователей, вызывая на бой и борьбу новые полки враговъ и непримиримыхъ противниковъ. Поколѣнія смѣняются... Великіе дѣятели этихъ по-

колѣній смѣняются вмѣстѣ съ ними... Великіе *мыслители* переживаютъ свои поколѣнія. Ихъ идеалы принимаются новыми поколѣніями, воплощаются въ жизни новыми дѣятелями... Эта жизненность идеаловъ и идей великаго мыслителя озаряетъ свѣтомъ своей мысли многія поколѣнія, за нимъ слѣдующія, и является причиной, почему вокругъ его имени кипитъ борьба и потомство такъ же страстно ему поклоняется или ненавидитъ, какъ и современники. Къ такимъ личностямъ въ исторіи принадлежитъ и *Жанъ-Жакъ Руссо*.

За два года до смерти Руссо американцы прислали въ Европу свою знаменитую декларацію правъ человѣка. Это была первая попытка молодого поколѣнія, поклонявшагося своему великому учителю, приступить къ проведенію въ жизнь его идей. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти французы издали свою декларацію, точно такъ-же представлявшую краснорѣчивый параграфъ изъ политической философіи Руссо. Франклинъ, Вашингтонъ и Джефферсонъ, Мирабо, Лафайетъ и Робеспьеръ соединились въ этомъ провозглашеніи своего дѣла дѣломъ великаго Жанъ-Жака. Идеи, съ которыми дѣятели американской и французской революціи приступили къ дѣлу освобожденія и возрожденія своего отечества, были идеями Руссо, хотя ни американская, ни французская демократія не исчерпала всего цикла этихъ идей. Поэтому-то воплощенію ихъ была дана каждымъ изъ дѣятелей форма, зависимая именно отъ такого частичнаго, въ каждомъ случаѣ различнаго заимствованія... Наполеонъ I какъ-то выразился, что не было бы французской революціи, если-бы не было Руссо. Это несправедливо въ той же мѣрѣ, какъ и подобное же утвержденіе относительно американской революціи. И та, и другая вытекли изъ столкновенія глубокихъ интересовъ и крупныхъ силъ, оказавшихся къ концу XVIII вѣка въ жестокомъ и непримиримомъ антагонизмѣ. Привилегіи аристократической метрополіи, ея жадность и деспотизмъ вынудили американскую буржуазію поднять оружіе. Привилегіи французской аристократіи, нетерпимость французской церкви, союзъ короны съ феодалами и клерикалами, нарушеніе господствующими классами интересовъ уже сильной и богатой французской буржуазіи дѣлали неизбѣжнымъ столкновеніе и во Фран-

ціи. И въ Новомъ, и Старомъ Свѣтѣ нежеланіе господствующихъ классовъ подѣлиться значеніемъ и силою съ буржуазіей, выросшей въ крупную общественную силу,—и было главной и неустранимой причиной обѣихъ революцій и великаго историческаго переворота, отразившагося на всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но въ обѣихъ революціяхъ и во всѣхъ историческихъ событіяхъ, съ ними связанныхъ, могучей волной прокатился призывъ демократіи къ свободѣ, равенству и братству! Но въ обѣихъ революціяхъ сами интересы буржуазіи приняли демократическую окраску и выступили подъ знаменемъ не своихъ интересовъ, правъ или хартій, даже не блага государства или интересовъ націи, а *естественныхъ правъ человѣка*! Эти идеалы демократизма, эти идеалы естественнаго права личности были идеалами и идеями Руссо, и въ этомъ отношеніи невозможно указать другого мыслителя, который, давно успокоившись въ могилѣ, принималъ бы такое непосредственное прямое участіе въ общественной борьбѣ и великихъ историческихъ событіяхъ, наполняющихъ собою весь XIX вѣкъ. Фихте, Песталоцци, Фурье и Луи-Бланъ, Гарибальди и Липкольнъ, всѣ вожди демократическаго движенія, всѣ защитники естественнаго права противъ права историческаго, всѣ исходили и исходятъ изъ цикла тѣхъ идей, которыя конечно высказывались и до Руссо, но которымъ этотъ мыслитель придалъ форму и вложилъ содержаніе, соотвѣтствующія злобамъ дня двухъ столѣтій, уже прошедшихъ, и вѣроятно еще и третьяго, наступающаго. Понятна отсюда и страстная борьба, все еще окружающая имя знаменитаго мыслителя.

Среди современниковъ, впечатлѣніе, произведенное замѣчательными твореніями Руссо, было громадное. Бокль, изучивши подробно эту эпоху, называетъ Руссо «могущественнымъ», а его вліяніе—изумительнымъ. Знаменитый англійскій мыслитель Юмъ, современникъ Руссо и находившійся во Франціи въ періодъ наибольшаго творчества Руссо, замѣчаетъ, что трудно выразить и даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему... Никто никогда не обращалъ на себя въ такой мѣрѣ народнаго вниманія. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ. Гриммъ, извѣстный нѣмецкій писатель и ученый, тоже проживавшій въ это время въ Парижѣ, подтверждаетъ этотъ необычайный успѣхъ. Книги Руссо

расхватываются мгновенно. За чтеніе ихъ назначается плата по часамъ. Мирабо, Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ, тогда еще молодежь, поклоняются ему, ищутъ счастья его видѣть. Этотъ энтузіазмъ и это поклоненіе однихъ уравновѣшиваются или даже перевѣшиваются ненавистью и гоненіями другихъ. Его сочиненія сожигаются рукою палача. Его личность подвергается преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ. Послѣ изданія «*Эмиля*» и «*Общественнаго Договора*» онъ долженъ бѣжать изъ Франціи. Та-же судьба постигаетъ его и въ Женевѣ... Онъ ищетъ убѣжища въ Бернскомъ кантонѣ, но декретъ республиканскаго правительства его изгоняетъ и оттуда. Та-же судьба повторяется и въ Невшателѣ, гдѣ господствующіе классы возбуждаютъ противъ него чернь за его будто-бы безбожіе, тогда какъ, единственный изъ крупныхъ мыслителей XVIII вѣка, Руссо оставался вѣрующимъ и религіознымъ! Совершенно естественны и понятны эти гоненія со стороны классовъ, противъ господства и насилія которыхъ направлялась его тонкая и глубокая критика, а пламенное краснорѣчіе его высокохудожественныхъ твореній взывало къ справедливости и возмездію. На первый взглядъ могутъ показаться менѣе понятными преслѣдованія и непримиримая вражда со стороны враговъ его враговъ, со стороны Вольтера, Дидро, Гримма, энциклопедистовъ... Однако и тому было достаточно причинъ...

Цивилизація является намъ въ исторіи двуликимъ Янусомъ, поворачивающимся къ человѣчеству то одной, то другой стороной. И человѣчество то преклоняется передъ благодѣяніями цивилизаціи, славословитъ ея успѣхи и завоеванія, ожидаетъ отъ нея спасенія и избавленія, то, напротивъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ видитъ, какъ страшная мощь цивилизаціи вооружаетъ насиліе и неправду, топчетъ справедливость, унижаетъ униженнаго, оскорбляетъ оскорбленнаго, поддерживаетъ тиранію, плодитъ деморализацію, вырожденіе, одичаніе!... Въ XVIII вѣкѣ во Франціи цивилизація обращена была къ человѣчеству своей благодѣтельной стороной. Враги цивилизаціи во Франціи, феодальные и клерикальные классы, были вмѣстѣ съ тѣмъ врагами народа. Ихъ привилегіи, порабощеніе ими народа, неправыя монополіи, произволъ и необузданныя насилія вопіяли

къ человѣческой совѣсти, но тѣ-же классы цѣпко держались за невѣжество и суевѣрія, находя въ нихъ опору для своего владычества. Просвѣщеніе и даже національное обогащеніе ихъ смущали и возбуждали противъ себя. Немилосердные поборы, драконовскія стѣсненія національнаго труда шли во Франціи XVIII вѣка рука объ руку съ гоненіями на просвѣщеніе, съ такими же драконовскими стѣсненіями мысли и слова. Народъ, средніе классы, просвѣщеніе одинаково терпѣли отъ одного и того же неправаго господства, отъ насилія и владычества тѣхъ же феодально-клерикальныхъ классовъ. И дѣятели просвѣщенія первые самоотверженно выступили на борьбу съ несокрушимой, казалось, силой. Вольтеръ, Монтескьё, Дидро, Даламберъ, Кене, Тюрго, Гельвецій, Кондильякъ, Бюффонъ, Лавуазье, Кювье, Бяша и многіе другіе—вотъ длинный рядъ знаменитыхъ дѣятелей, поднявшихъ эту тяжелую и опасную борьбу во Франціи и создавшихъ великую «Литературу Просвѣщенія» вмѣстѣ съ ея славнѣйшимъ памятникомъ—колоссальной энциклопедіей—трудомъ,до того безпримѣрнымъ.

Проповѣдуя просвѣщеніе, создавая его, расчищая путь для свободнаго развитія цивилизаціи, подавленной своекорыстіемъ и деспотизмомъ господствующихъ классовъ, энциклопедисты искренно вѣрили, что тѣмъ самымъ они расчищаютъ путь и для общаго счастія, для народнаго блага и свободы. Просвѣщеніе и цивилизація были для нихъ синонимами прогресса, непремѣнной причиной народнаго блага. Цивилизація тогда скрывала отъ міра свою другую сторону. Литература просвѣщенія ея не разглядѣла... Руссо замѣтилъ эту обратную сторону, указалъ ее и со свойственной ему страстностью возсталъ противъ цивилизаціи. Дѣятели литературы просвѣщенія сначала изумились и повидимому полагали, что краснорѣчивое нападеніе Жанъ-Жака на цивилизацію есть лишь приступъ, искусный маневръ. Они ждали затѣмъ иныхъ рѣчей, которыя тѣмъ выше вознесутъ благодѣянія культуры. Чувствуя въ Руссо врага враговъ своихъ, врага всякаго неправаго господства, они не могли и представить себѣ въ немъ возможность искренняго порицанія цивилизаціи. Или маневръ искуснаго полемиста, или бредъ сумасшедшаго, или корыстное

лицемѣріе: ничего другого они не могли видѣть въ идеяхъ Руссо. И, когда убѣдились, что это отнюдь не маневръ со стороны Руссо, что Руссо является самымъ опаснымъ и талантливымъ врагомъ ихъ идей, они тѣмъ съ большей энергіей, можно сказать съ яростью негодованія, возстали противъ неожиданной и непредвидѣнной ереси. А убѣдиться въ истинномъ значеніи и направленіи литературной дѣятельности Руссо имъ пришлось очень скоро. Разъ начавъ борьбу, Руссо быстро развертывалъ силы, быстро и неудержимо завоевывалъ умы и выбивалъ изъ позицій всѣ недавніе непререкаемые авторитеты прогрессивнаго общества

Послѣ поразившей и смутившей диссертаціи *о вліяніи наукъ на нравы* Руссо выступаетъ съ разсужденіемъ *о причинахъ неравенства въ человѣческомъ обществѣ* Страстная критика неравенства здѣсь идетъ рука объ руку съ неменѣе страстными обвиненіями цивилизаціи, являющейся ея главной причиной. Серьезные умы среди энциклопедистовъ уже задумались надъ направленіемъ этой новой силы, и Дидро уже попробовалъ остроумно и мягко отпарировать удары, стараясь направить ихъ на общихъ враговъ. Второстепенные умы просвѣтительнаго направленія не соблюдали такой осторожности и своими слабыми, хотя и рѣзкими нападками вызывали лишь побѣдоносный отпоръ со стороны Руссо Эта полемика все яснѣе вырисовывала точку зрѣнія Руссо, все ярче отдѣляла его отъ литературы просвѣщенія, все шире покоряла мыслящую публику, особенно молодежь. «*Новая Элоиза*» явилась новымъ необычайно могущественнымъ нападеніемъ. Эта трогательная исторія любви молодыхъ людей, одинаково достойныхъ и одинаково стремящихся другъ къ другу, фатально кончается несчастіемъ для нихъ и для всѣхъ окружающихъ. Причина несчастія—въ условіяхъ, созданныхъ цивилизаціей. Природа дала все для счастья героевъ и для того, чтобы они могли и вокругъ себя лить счастье и радость. Цивилизація же съ ея противуестественными учрежденіями, съ ея искусственными чувствами, съ ея условными правилами и обязанностями кассировала всѣ эти дары природы и изъ ихъ блага породила зло, изъ счастья создала несчастье, безъ вины осудила, уни-

зила, обездолила людей, достойныхъ всего лучшаго! Эта потрясающая драма произвела несравнимое ни съ чѣмъ впечатлѣніе. Пламенныя страницы высокаго краснорѣчія, всюду разлитая гуманная сердечность, тонкая обрисовка дѣйствующихъ лицъ, влагаемый въ ихъ уста языкъ глубокой и высокой страсти, рѣдкія художественныя достоинства романа—все соединилось, чтобы доставить ему неслыханный успѣхъ, а его автору—невиданное дотолѣ могущество (и могущество одною силою убѣжденнаго слова). Вожди литературы просвѣщенія поняли необходимость взять борьбу въ свои руки изъ неумѣлыхъ рукъ второстепенныхъ писателей. Самъ Вольтеръ вмѣшался въ полемику, но Руссо, какъ-бы не давая опомниться своимъ противникамъ обоихъ фронтовъ, выпустилъ одно за другимъ почти одновременно два важнѣйшія свои сочиненія.

Это были—«*Общественный Договоръ*» («Contrat Social») и «*Эмиль*». Въ первомъ доктрины Руссо получили свою окончательную догматическую форму. Верховное право народа (souveraineté du peuple) и демократическое равенство были основными принципами этой доктрины. *Естественное*, для всѣхъ одинаковое и равное, *право личности* являлось санкціей доктрины, устранявшей всѣ прежнія санкціи, и божественное благословеніе, и давность, и пыльные пергаменты, и даже интересы націи, блага просвѣщенія. Все это стушевывалось передъ естественными правами человѣка и суверенитетомъ народа, т. е. собранія личностей, добровольно вступившихъ въ общественный договоръ. Простота принципа, его прямолинейная логика и его независимость отъ какихъ бы то ни было завѣтовъ старины, такъ же какъ и отъ рамокъ цивилизаціи, изумили міръ—очаровали однихъ, озлобили другихъ. «*Эмиль*» былъ какъ будто для того написанъ, чтобъ довести это очарованіе до энтузіазма, а это озлобленіе—до бѣлаго каленія. Человѣчество не видало книги, которая съ чарами художественнаго творчества и тонкаго ума соединяла бы столько безпощадной и обаятельной критики самыхъ основъ того, что́ почиталось краеугольнымъ камнемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Тотъ же «*Эмиль*», съ другой стороны, не оставлялъ камня на камнѣ отъ той школы, отъ той семьи, отъ той системы общественнаго и домашняго воспитанія,

которыя были освящены авторитетомъ католической церкви и поставлены подъ охрану законовъ французскаго государства. Выходъ «*Общественнаго договора*» и «*Эмиля*» явился сигналомъ для начала гоненій на Руссо со стороны правящихъ классовъ и страстной полемики со стороны вождей литературы просвѣщенія. Вольтеръ сталъ во главѣ этого похода.

Большой историческій интересъ представляетъ это единоборство двухъ величайшихъ писателей XVIII вѣка. Если Вольтеръ развернулъ въ этой полемикѣ всю силу своего ѣдкаго, язвительнаго, безподобнаго остроумія, то, съ другой стороны, Руссо оказался на высотѣ своего противника и волновалъ сердца своимъ высокимъ краснорѣчіемъ и широкой гуманностью. Переходя съ мѣста на мѣсто, отовсюду гонимый, всюду преслѣдуемый, Руссо то тамъ, то здѣсь разбивалъ свой временный лагерь и продолжалъ борьбу. Изъ Невшателя онъ написалъ свои «Lettres de la Montagne», эту страстную филиппику противъ своихъ противниковъ обоихъ лагерей. Въ Англіи началъ свои «Confessions», это безпощадное самообличеніе и такое же безпощадное бичеваніе своихъ противниковъ. Борьба эта занимала историковъ литературы и съ точки зрѣнія художественной красоты этого знаменитаго турнира, и по существу спора. Съ обычной ловкостью споръ этотъ Вольтеръ разсыпалъ на рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, среди которыхъ въ отдѣльности фернейскій философъ былъ зачастую болѣе правъ, нежели его странствующій, гонимый, больной физически и душевно противникъ. Но за этими деревьями отдѣльныхъ эпизодовъ немногіе разглядѣли лѣсъ основного вопроса, точно ли въ развитіи культуры и заключается вся задача и весь интересъ человѣчества? Точно ли культура всегда благодѣтельна и ведетъ человѣчество къ добру и правдѣ? Точно ли программа, провозглашенная литературой просвѣщенія, есть программа народнаго блага и справедливости? Не просмотрѣли ли ея славные авторы существенной стороны культурнаго развитія? И не указалъ ли Руссо на этотъ просмотръ своей страстной проповѣдью противъ неправдъ цивилизаціи? Потому-то вокругъ Руссо и теперь кипятъ страсти, волнуются сердца, раздаются благословенія и проклятія... Его идеалы, его идеи еще и теперь факторы современной исторіи, и за-

думчивый, меланхолическій Жанъ-Жакъ еще участвуетъ въ развитіи современныхъ событій. Вольтеръ, Монтескьё, Дидро, Кене, возставъ противъ феодальнаго господства и клерикальной опеки, полагали служить интересамъ народа, который былъ угнетаемъ этимъ господствомъ и деморализуемъ этой опекой. Они успѣли подготовить ниспроверженіе этого строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили для народа новыхъ господъ и новыхъ опекуновъ, подготовили торжество плутократіи. Вся политическая философія Руссо есть протестъ противъ этой эволюціи. Болѣе всякаго другого оказавъ содѣйствіе ниспроверженію стараго порядка, Руссо, одинъ изъ немногихъ, не только не положилъ ни одного камня для возведенія буржуазнаго господства, но даже подготовилъ борьбу и съ этой новой формой общественнаго неравенства и народнаго порабощенія. Принципъ личности, какъ верховный критерій доктрины, и идея народа, какъ добровольнаго, сознательнаго единенія личностей, являлись втеченіи всего XIX вѣка руководящими во всѣхъ движеніяхъ французской и вообще западноевропейской демократіи.

Таковъ громадный *историческій* интересъ біографіи Руссо, но и чисто біографическій, *психологическій* интересъ долженъ быть здѣсь упомянутъ, чтобы читатели могли лучше ориентироваться въ этомъ краткомъ біографическомъ очеркѣ. Сочетаніе наслѣдственности, особенности воспитанія, болѣзненная организація дали этой замѣчательной личности какое-то внутреннее противорѣчіе, двойственный характеръ. Съ одной стороны, несомнѣнная широкая гуманность, благородство, сердечная доброта, безкорыстіе, порой самоотверженіе и глубокая искренность составляютъ основу этого симпатичнаго характера. Съ другой стороны, подозрительность, порой совершенно недостойная недовѣрчивость, странная неблагодарность, порывы безпричинной любви и ненависти, наконецъ прямо предосудительные поступки самымъ трагическимъ образомъ сталкиваются съ вышеозначенными преобладающими благородными чертами характера. Въ послѣдній періодъ жизни Руссо страдалъ душевной болѣзнью, какъ теперь доказываютъ нѣкоторые нынѣшніе психіатры. Эта болѣзнь, развившаяся на почвѣ наслѣдственности, воспитанія, тягостной молодости и

...ПИСТИЧЕС... АКАДЕМИИ

жестокихъ гоненій въ зрѣломъ возрастѣ, и можетъ повидимому объяснить внутреннее противорѣчіе и двойственность характера. Въ нашемъ изложеніи мы постараемся по возможности оттѣнить оба эти душевные процесса: *здоровый*, нарисовавшій намъ во весь ростъ благородную фигуру великаго мыслителя и подарившій человѣчеству драгоцѣнные плоды его умственнаго генія; и болѣзненный, темными узорами рисующійся на этомъ свѣтломъ фонѣ. Одно время, въ эпоху полнаго развитія силъ и таланта Руссо, эти тѣни совершенно исчезли въ волнахъ свѣта благороднаго творческаго генія, но затѣмъ снова усилились къ концу жизни, полной тяжелыхъ и горестныхъ испытаній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подготовительный періодъ.

Предки и родители Руссо —Женева.—Рожденіе и первоначальное воспитаніе.—Первыя проявленія духовной жизни.—Разлука съ отцомъ.—Школа въ Боссэ.—Добрыя сѣмена.—Злое сѣмя.—Раннее пробужденіе чувственности.—Неправое наказаніе.—Двѣ любви.—Въ ученикахъ.—Бѣгство.—Обращеніе въ католичество.—Въ лакеяхъ.—Первое пребываніе у Варрансъ.—Странствія.—Идиллія съ Варрансъ.—Самообразованіе.—Музыка.—Дипломатическая служба.—Тереза Левассеръ.—Литературные опыты и знакомства.

Жанъ-Жакъ Руссо былъ родомъ швейцарецъ, изъ Женевы, и происходилъ изъ буржуазной протестантской семьи, предки которой переселились изъ Парижа въ половинѣ XVI вѣка, въ эпоху религіозныхъ гоненій во Франціи и торжества кальвинизма въ Женевѣ. Громадное большинство гражданъ этого маленькаго городка, сдѣлавшагося на долгое время Римомъ кальвинизма, составляли и понынѣ составляютъ потомство подобныхъ же переселенцевъ изъ Франціи. Въ началѣ XIX вѣка перепись гражданъ Женевы констатировала всего лишь пятьдесятъ женевскихъ фамилій, принадлежавшихъ Женевѣ до XVI вѣка. Остальныя были французскими выходцами, оставившими отечество въ борьбѣ за новыя религіозныя идеи.

Такой составъ женевскаго населенія наложилъ особый отпечатокъ на весь складъ жизни города и кантона. Страстная преданность протестантизму, повышенное чувство религіозности, строгіе нравы, предписанные кальвинизмомъ, уживались съ наслѣдственной любовью къ свободѣ, нервнымъ, даже безпокойнымъ характеромъ, строгой заботой о личной независимости... Эти общія черты нервной организаціи и независимыхъ нравовъ женевскаго населенія рѣзко выдѣлялись въ XVIII вѣкѣ среди совершенно иного склада жизни и нравовъ, господствовавшихъ въ другихъ смежныхъ странахъ: во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Эти контрасты не могли не отразиться на женевцахъ, усиливая всѣ ихъ естественныя черты, развивая до высшей степени ихъ особенности. Изъ такой среды произошелъ, въ такомъ обществѣ выросъ, подъ такими вліяніями воспитался Жанъ-Жакъ, и даже бѣглый взглядъ на его характеръ и наклонности обрисовываетъ передъ нами типическаго представителя этой среды, этого общества и этихъ вліяній,—личность, развившую до высшей степени душевные контрасты своихъ согражданъ. То чувствительный, то суровый; то довѣрчивый, то подозрительный; то веселый, то меланхолическій; то идеальный, то чувственный; съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, глубоко религіозный, глубоко скептическій, способный и на самоотверженіе, и на всякое сумасбродство, страстный во всѣхъ своихъ идеяхъ и чувствахъ, Руссо былъ результатомъ длинной эволюціи женевскаго типа, его плодомъ и его послѣднимъ могучимъ словомъ и выраженіемъ. Родной городъ воплотился въ Руссо со всѣми своими свѣтлыми и тѣневыми сторонами, со всей своей заслугой и всей своей виной передъ человѣчествомъ. Въ началѣ XVIII вѣка недавно только завершилась историческая роль Женевы, но городъ тѣмъ болѣе былъ полонъ ея традицій и ея органическими и общественными плодами. Въ артеріяхъ и венахъ женевцевъ текла кровь, наслѣдственно проникнутая этими душевными контрастами: вызывающей гордостью, свойственной защитникамъ «святого» дѣла, и кроткой любовью къ человѣчеству, отличающей проповѣдниковъ этого дѣла; безпокойной, даже буйной организаціей наслѣдственныхъ борцовъ за вольности и подавленностью душевнаго состоянія послѣдователей суроваго и строгаго кальвинизма; религіозностью, наполнявшей собою всю жизнь многихъ поколѣній, и

скептицизмомъ, вооружившимъ эти поколѣнія противъ католицизма... Нервная организація, развитая долгой *сознательной* исторіей и осложненная выше намѣченными обстоятельствами, контрастами и тягостями этой исторіи, была коренной чертой женевца XVIII вѣка. «*Я не былъ-бы женевцемъ*,—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ «Исповѣди» самъ Руссо,—если бы бродяжничество не предпочелъ всѣмъ благамъ осѣдлой жизни», а въ началѣ XIX вѣка французская статистика констатировала, что среди всѣхъ департаментовъ Франціи (тогда Женева входила въ составъ имперіи Наполеона I) Женева отличается особенно большимъ процентомъ душевныхъ заболѣваній!

Эта повышенная нервность и это сплетеніе душевныхъ контрастовъ, составлявшія общій характеръ женевскаго общества начала XVIII вѣка, были наслѣдованы въ полной мѣрѣ Жанъ-Жакомъ, который, какъ великій геніальный женевецъ, родившійся около этого времени, естественно долженъ былъ воплотить въ себѣ всѣ эти черты, всю эту длинную эволюцію, вырабатывавшую своими могучими условіями и вліяніями физіологическую и психологическую организацію небольшого замкнутаго населенія. Такимъ и явился Руссо. Фамильныя условія, насколько они намъ извѣстны, должны были только усилить эту тенденцію. Я уже упомянулъ, что фамилія Руссо происходила отъ парижскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ Женеву въ XVI вѣкѣ, въ эпоху религіозныхъ гоненій. Фамилія Руссо повторяла такимъ образомъ исторію большинства женевскихъ фамилій. Она должна была обладать и типичными свойствами женевцевъ. Существуютъ данныя, указывающія, что она обладала этими свойствами въ избыткѣ, въ размѣрѣ выше средняго. Отецъ Жанъ-Жака, Исаакъ Руссо, провелъ значительную часть жизни въ странствіяхъ. Въ молодости, въ 1699 году, онъ судился за ссору, перешедшую въ вооруженное столкновеніе, и былъ приговоренъ. Такая же исторія повторяется въ 1722 году. Суровый приговоръ заставляетъ его даже оставить отечество. О его странныхъ, полныхъ противорѣчій отношеніяхъ къ сыну буду говорить ниже. Мать Жанъ-Жака, Сюзанна Бернаръ, красивая и кокетливая женщина, имѣла въ молодости романическую исторію, очень мало соотвѣтствующую строгимъ правиламъ кальвинистовъ, особенно, если принять во вниманіе, что отецъ Сюзанны былъ

*

священникомъ. Родной братъ ея тоже имѣлъ подобную-же исторію, за которую даже судился. Двѣ тетки Жанъ-Жака были оштрафованы по суду за карточную игру въ публичномъ мѣстѣ въ воскресенье. Вооруженныя столкновенія, романическія приключенія, карточная игра, конечно все это не очень много, но не для кальвинистской Женевы конца XVII и начала XVIII вв. Здѣсь это были важныя и существенныя отклоненія отъ господствующихъ нравовъ, обнаруживавшія значительное переразвитіе той нервности, которая составляла общій фонъ организаціи женевскаго населенія. Существуютъ факты еще болѣе яркіе. Двоюродный братъ Жанъ-Жака былъ помѣшаннымъ. Его родной братъ, Франсуа Руссо, отличался буйнымъ характеромъ, оставилъ въ юности Женеву и пропалъ безъ вѣсти. Самъ Жанъ-Жакъ Руссо, страдавшій невральгіей, замѣчаетъ въ одномъ письмѣ, что болѣзнь эта *наслѣдственна* въ его семьѣ. На такой-то почвѣ расовой и фамильной наслѣдственности съ физіологически повышенной нервностью и съ патологическими осложненіями этой нервности явился на свѣтъ Божій въ Женевѣ 2-го іюня 1712 года Жанъ-Жакъ Руссо. Его мать заплатила жизнью за рожденіе этой будущей славы родного города. Мать умерла конечно не отъ здоровья, и ребенокъ, родился слабый и болѣзненный. Онъ былъ въ обморокѣ, полумертвый, и только самоотверженному уходу своей тетки онъ обязанъ, что перенесъ и пережилъ эти первые дни своего хрупкаго существованія.

Первыя десять лѣтъ жизни Жанъ-Жакъ провелъ въ домѣ отца, на рукахъ отца и тетки, молодой дѣвушки, къ которой онъ сохранилъ всю жизнь самыя теплыя чувства. Добрая дѣвушка, какъ умѣла, ухаживала за племянникомъ, наблюдала за его здоровьемъ, охраняла отъ послѣдствій его слабаго и болѣзненнаго сложенія. Ея нѣжныя заботы запечатлѣлись въ чувствительномъ сердцѣ ребенка и быть-можетъ еще болѣе содѣйствовали развитію этой чувствительности. Ея безъискусственныя пѣсни Руссо со слезами на глазахъ напѣвалъ и въ послѣдніе годы своей жизни. Немногое могла дать эта дѣвушка своему питомцу, но это немногое было: доброе сердце, справедливость, народная поэзія, музыкальные напѣвы. Non multa sed multum. И доброе сѣмя пало на добрую почву любящей, нѣжной, воспріимчивой натуры. Кто

можетъ сказать, когда, гдѣ и какимъ пышнымъ цвѣтомъ отродилось оно въ знаменитой жизни славнаго Жанъ-Жака? Къ сожалѣнію, при всемъ добромъ желаніи не противорѣчить мнѣнію великаго сына, нельзя того же сказать о вліяніи отца, безпокойнаго и безпорядочнаго Исаака Руссо.

По профессіи часовщикъ (какъ большинство женевцевъ его времени), а порою и танцмейстеръ, Исаакъ Руссо былъ по утрамъ до обѣда занятъ своимъ ремесломъ. Это время сынъ проводилъ съ теткой. Послѣобѣденное время Жанъ-Жакъ былъ съ отцомъ. Съ признательнымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ эти вечера, проведенные съ отцомъ. Безпечный, увлекающійся Исаакъ страстно любилъ чтеніе и скоро присоединилъ и маленькаго шести-семи лѣтняго сына къ этому занятію, наполнявшему его вечера. Съ самаго ранняго возраста, съ какихъ поръ Жанъ-Жакъ только помнитъ себя, Исаакъ уже пріобщилъ его къ своимъ чтеніямъ, а когда мальчикъ научился читать, то къ нему перешло и самое чтеніе вслухъ. Читались сначала исключительно романы, тѣ фантастическіе, романтическіе романы, которые только и существовали въ литературѣ того времени. Исаакъ и Жанъ-Жакъ, пожилой отецъ и младенецъ-сынъ, проводили цѣлыя ночи на пролетъ въ этомъ мірѣ грезъ. Зачастую только утренній свѣтъ останавливалъ это очарованное чтеніе, этотъ гипнотическій сонъ подъ вліяніемъ необузданной фантазіи средневѣкового романтическаго или восточнаго сказочнаго творчества. И пробужденный отъ этого гипноза пѣніемъ пѣтуха или блѣднѣющимъ свѣтомъ лампы, сконфуженный пожилой мечтатель нерѣдко восклицалъ: «идемъ спать, я право болѣе ребенокъ, чѣмъ ты!» Когда запасъ романовъ, предлагавшихся тогдашней литературой, истощился, отецъ и сынъ перешли къ исторіи и біографіи. Плутархъ оставилъ особенно глубокій слѣдъ на впечатлительной душѣ Жанъ-Жака. Вліяніе этого преждевременнаго, безпорядочнаго, отнюдь не дѣтскаго чтенія не могло не отразиться весьма серьезно на Руссо. Если оно заложило въ его душу сѣмена творческой фантазіи, потребность умственной дѣятельности, стремленіе къ легендарнымъ доблестямъ древнихъ героевъ и дѣятелей, то съ другой стороны до-нельзя повысило и безъ того чрезвычайную чувствительность, дало сильный толчокъ развитію невропатическихъ явленій и надолго спутало въ моло-

домъ мозгу фантазіи съ дѣйствительностью. «Я не имѣлъ никакого понятія о реальныхъ предметахъ,—пишетъ самъ Руссо,—но всѣ чувства уже были мнѣ знакомы. Все доходило до меня, но не путемъ размышленія, а путемъ фантазіи.» Надо было имѣть геній Руссо, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этого испытанія, способнаго совершенно обезсилить и извратить болѣе слабые мозги! Но и въ послѣдующихъ нервныхъ и душевныхъ страданіяхъ Руссо эти безпутные уроки ранняго дѣтства не остались конечно безъ своего пагубнаго вліянія.

Исаакъ Руссо былъ человѣкъ безпечный и безпорядочный и, какъ всѣ такіе люди, пренебрегавшій воспитаніемъ сына, который если росъ добрымъ ребенкомъ, то единственно вслѣдствіе доброй природы и подъ вліяніемъ доброй тетки. Эта небрежность отца и эта слабость его, такъ ярко выразившаяся въ фактѣ всенощныхъ чтеній, не мѣшала быть ему очень взбалмошнымъ и подчасъ несправедливымъ къ ребенку. Существуютъ данныя, доказывающія, что эта слабость надзора Исаака Руссо переходила порой въ обратную сторону и небрежность замѣнялась вниманіемъ не всегда кстати. Между прочимъ приведемъ случай, когда бѣдный ребенокъ за разорванную книгу былъ запертъ на нѣсколько дней на чердакѣ. Этотъ случай разсказанъ кормилицей Жанъ-Жака. Самъ онъ въ своихъ «Confessions» передаетъ, какъ однажды отецъ подвергалъ жестокому тѣлесному наказанію старшаго сына своего Франсуа. Потрясенный воплями брата, маленькій Жанъ-Жакъ бросился и прикрылъ собою наказываемаго, но отецъ продолжалъ наказаніе, сильно избивъ такимъ образомъ бѣднаго любящаго мальчика. Если этотъ эпизодъ обрисовываетъ благородное, отзывчивое сердце маленькаго сына, то вмѣстѣ съ тѣмъ и взбалмошный, безпорядочный характеръ пожилого отца. Жанъ-Жаку былъ одиннадцатый годъ, когда его отецъ долженъ былъ оставить Женеву. Исаакъ Руссо переселился въ Ніонъ,—мѣстечко въ Водуазскомъ кантонѣ, оставивъ Жанъ-Жака у шурина Бернара. Старшій сынъ Франсуа въ это время уже скрылся изъ Женевы.

У дяди Бернара прожилъ этотъ разъ Жанъ-Жакъ не долго. Вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ-кузеномъ онъ былъ вскорѣ отданъ въ пансіонъ для мальчиковъ, содержавшійся священни-

комъ Ламберсье, не вдалекѣ отъ Женевы, въ деревушкѣ Боссэ. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ лѣтъ и здѣсь же впервые начинаетъ обрисовываться складъ природы мальчика, его добрыя, даже великія достоинства такъ-же, какъ и тѣ патологическіе узоры, которые потомъ внесли столько горечи и скорби въ его жизнь. Росшій до этого времени въ городѣ, Руссо здѣсь, въ Боссэ, впервые прикоснулся къ природѣ, и впечатлительная, отзывчивая душа его открылась на встрѣчу красотамъ и чарамъ природы, вступила съ нею въ то тѣсное, сердечное общеніе, которое затѣмъ подарило человѣчеству никогда не превзойденныя картины и страницы. Въ трогательныхъ столько же, сколько художественныхъ картинахъ рисуетъ намъ Руссо въ своихъ «Confessions» эти свои первыя нѣжныя свиданія съ природою, свои игры, занятія садоводствомъ, наблюденія, чувства, навѣваемыя деревней... Деревня и природа навсегда остались самыми дорогими и постоянными привязанностями Руссо, и кто знаетъ, эти симпатіи, заложенныя общеніемъ дѣтской души и деревенской природы, не отразились-ли на самыхъ идеяхъ Руссо, не усилили-ли его отвращеніе къ цивилизаціи, не указали-ли ему искать ей поправки и лекарства въ безъискусственныхъ условіяхъ, создаваемыхъ природою безъ участія культуры?

Дружба съ кузеномъ была вторымъ важнымъ элементомъ жизни въ Боссэ. До этого времени Жанъ-Жакъ не имѣлъ сверстниковъ. Онъ росъ одинокимъ въ обществѣ взрослыхъ, въ фантастическомъ мірѣ романовъ и біографій. Онъ не могъ быть ребенкомъ—ни испытывать дѣтскія чувства, ни предаваться дѣтскимъ играмъ и занятіямъ. Боссэ, его природа и дружба двоюроднаго брата дали Жанъ-Жаку радости дѣтства. «Около 30 лѣтъ миновало,—пишетъ Руссо въ «Confessions»—съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Боссэ, ни разу потомъ не столкнувшись въ своей жизни съ чѣмъ либо, что могло бы мнѣ напомнить это время. Но теперь, когда, переступая черезъ зрѣлый возрастъ, я уже начинаю склоняться къ старости, я чувствую, какъ возрождаются во мнѣ эти воспоминанія, и въ то время, какъ всѣ остальныя постепенно слабѣютъ, эти вырисовываются въ моей памяти съ силой, все растущей, и очарованіемъ, все усиливающимся. Кажется, будто, чувствуя обмелѣніе потока жизни, я ищу его обновить и поддержать силами его истоковъ». Нѣжныя

и разумныя заботы со стороны главной воспитательницы пансіона, m-lle Ламберсье, образованной дѣвушки, сестры священника, и систематическое образованіе, даваемое мальчику подъ руководствомъ самого Ламберсье, — человѣка высокихъ достоинствъ и обширнаго образованія, должны быть тутъ тоже упомянуты въ числѣ благопріятныхъ сторонъ этого періода въ жизни Жанъ-Жака, который ни до этихъ двухъ лѣтъ, ни послѣ никакого систематическаго обученія не получалъ и былъ лишенъ попеченія образованной женщины.

Конецъ этого пребыванія въ пансіонѣ Ламберсье ознаменовался событіемъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе на нервную и чувствительную природу Руссо. Онъ былъ несправедливо обвиненъ въ поломкѣ нѣкоторыхъ предметовъ туалета m-lle Ламберсье. Ни онъ, ни его двоюродный братъ не были въ этомъ виноваты. Они рѣшительно отрицали свою виновность, но внѣшнее стеченіе обстоятельствъ было противъ нихъ Ихъ запирательство побудило Ламберсье вызвать въ Боссэ Бернара. Улики были противъ нихъ, и Бернаръ рѣшилъ добиться признанія. Самое жестокое наказаніе не могло однако его вынудить у Жанъ Жака. «Невозможно было,— пишетъ Руссо,—вырвать у меня признаніе, котораго добивались. Нѣсколько разъ возобновлялось наказаніе, я приведенъ былъ въ самое ужасное состояніе, но я оставался непоколебимымъ. Я готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ удовлетворить несправедливое требованіе. Сила должна была наконецъ уступить дьявольскому упрямству ребенка, какъ называли они эту твердость. Истерзаннымъ вышелъ я изъ этого испытанія, но восторжествовавшимъ.» Сознаніе вопіющей несправедливости и грубаго насилія оставило глубокій, неизгладимый слѣдъ въ душѣ тринадцатилѣтняго мальчика. Заканчивая разсказъ объ этомъ эпизодѣ, Руссо прибавляетъ: «Набрасывая эти строки, я чувствую и теперь еще, какъ повышается біеніе пульса. Эти минуты никогда не забудутся мною, хотя бы я прожилъ сто тысячъ лѣтъ. Это первое чувство несправедливаго насилія такъ запечатлѣлось въ душѣ моей, что всякая мысль, имѣющая отношеніе къ несправедливости и насилію, пробуждаетъ во мнѣ тѣ же пережитыя и незабываемыя чувства. И это чувство, первоначально имѣвшее непосредственное отношеніе къ

моимъ личнымъ страданіямъ, такъ глубоко внѣдрилось въ мою душу, такъ окрѣпло, такъ высвободилось отъ всего личнаго, что сердце мое воспламеняется при видѣ всякой несправедливости, гдѣ бы она ни совершалась, съ такой же силой, какъ еслибы я лично страдалъ отъ нея. Когда я вижу пѣтуха, корову, собаку, терзающихъ другихъ животныхъ только потому, что они сильнѣе, я не могу удержаться, чтобы не вмѣшаться въ защиту терзаемаго, преслѣдуя мучителя иногда до полнаго изнеможенія. Возможно, что чувство это мнѣ свойственно отъ природы, но глубоко запавшее въ душу воспоминаніе о великой несправедливости, мною перенесенной, было слишкомъ продолжительно и слишкомъ сильно, чтобы не отразиться на всѣхъ моихъ чувствахъ и на развитіи и усиленіи особенно чувства отвращенія къ несправедливости и насилію». Подлинно можно сказать съ Пушкинымъ: «такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ!» И безпутное чтеніе романовъ, и ласки деревенской природы, и нѣжныя заботы m-lle Ламберсье, и дружба кузена, и само несправедливое наказаніе, все переработалось богато одаренной организаціей, все служило для выработки того характера и тѣхъ идей, которыя были великимъ призваніемъ Жанъ-Жака Руссо.

Вскорѣ послѣ разсказаннаго эпизода Жанъ-Жакъ и его двоюродный братъ были взяты изъ пансіона Ламберсье и поселены въ Женевѣ, у дяди Бернара. Прежде однако чѣмъ проститься окончательно съ этимъ пансіономъ, надо упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ. Разсказанное до сихъ поръ обрисовало передъ нами симпатичный образъ любящаго, отзывчиваго, богато одареннаго мальчика, жадно поглощающаго все благое, что̀ давала жизнь и природа, торжествующаго надъ самимъ зломъ, обращая его въ поученіе и на благо. Теперь мы коснемся случая, обнаружившаго уже въ это раннее время симптомы патологическіе. Въ тѣ времена, къ которымъ относится наше повѣствованіе, т. е. 1722—1724 гг., свыше полутораста лѣтъ тому назадъ, тѣлесное наказаніе было общепринято въ школахъ. Примѣнялось оно и въ пансіонѣ Ламберсье, гдѣ сама m-lle Ламберсье наказывала виновныхъ школьниковъ. Дважды пришлось и Жанъ Жаку перенести подобное наказаніе отъ нѣжно любимой имъ своей воспитательницы.

Руссо отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это наказаніе (по его свидѣтельству всегда заслуженное и снисходительное) доставляло ему удовольствіе. Онъ готовъ бы былъ преднамѣренно искать наказанія, если бы не боязнь огорчить m-lle Ламберсье, которая прибѣгала къ наказанію лишь очень разсерженная и огорченная. Вскорѣ по оставленіи пансіона Жанъ-Жакъ познакомился въ Женевѣ съ четырнадцатилѣтней дѣвицей Готонъ, повидимому многое успѣвшей испытать въ своемъ дѣтствѣ. Они играли съ ней въ школу, въ которой мальчикъ изображалъ школьника, а дѣвочка — начальницу школы; при этомъ нерѣдко эта воображаемая начальница подвергала своего ученика общепринятому наказанію, и эта добровольно принимаемая, желаемая розга подруги доставляла ему то же удовольствіе, что ранѣе онъ испытывалъ во время наказанія на колѣняхъ у дѣвицы Ламберсье. Сообщая объ этихъ постыдныхъ эпизодахъ своего отрочества, Руссо самъ отмѣчаетъ ихъ ненормальность и полагаетъ, что они надолго извратили его чувства къ женщинамъ, отразившись на всей его жизни. Ненормальность, даже прямо психопатичность упомянутыхъ чувствъ и поступковъ—несомнѣнна, но конечно не розга дѣвицы Ламберсье породила эти патологическія явленія. Она, эта розга, могла однако пробудить дремавшіе инстинкты, пробудить и усилить. Почва же несомнѣнно лежала въ природной организаціи. Пребываніе въ Боссэ показываетъ намъ и богатыя силы этой организаціи, и первые узоры наслѣдственной душевной болѣзненности. Около двухъ лѣтъ пробылъ Жанъ-Жакъ у дяди Бернара безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и дѣла. Двоюродный братъ его готовился въ инженеры. За компанію съ нимъ и Руссо кое-чему научился, но тому, что̀ ему приходилось по вкусу, именно геометріи и рисованію. Времени у него было свободнаго очень много, обязательнаго дѣла никакого, а на улицѣ въ томъ благословенномъ климатѣ такъ много солнца, небесной синевы, веселаго журчанія Роны, гладкой лазури обширнаго озера, обставленнаго зеленой рамкой горъ, увѣнчанныхъ бѣлой короной вѣчныхъ снѣговъ! Самъ исполинъ Монбланъ сверкаетъ своей вершиной счастливымъ обитателямъ Женевы. Немудрено, если Жанъ-Жакъ проводилъ бо̀льшую часть дня на этой веселой улицѣ. Это понятно, но непонятно, что эта уличная жизнь не испортила маль-

чика. Разсказанный эпизодъ съ дѣвицей Готонъ показываетъ одну изъ опасностей, которымъ подвергался пылкій, впечатлительный темпераментъ мальчика съ невропатической наслѣдственностью въ крови, предоставленный самому себѣ и слѣпому случаю. Эта игра слѣпого случая ставила дважды Жанъ-Жака въ положеніе еще болѣе опасное. Однажды, играя на отдаленной отъ дяднаго дома улицѣ съ случайнымъ знакомымъ, такимъ же свободнымъ отъ занятій, надзора и попеченія мальчуганомъ, Жанъ-Жакъ поссорился съ нимъ, и драчливый товарищъ ударилъ его по головѣ съ такой силой, что Руссо упалъ на землю, обливаясь кровью, съ проломленнымъ черепомъ. Испугъ драчуна, его слезы и просьбы тронули чувствительнаго Жанъ-Жака, который былъ отведенъ къ матери виноватаго, гдѣ компрессы и повязки остановили кровь и кое-какъ поддержали его силы, чтобы доплестись до дому. Здѣсь онъ приписалъ свою рану неловкому паденію, совершенно выгородивъ случайнаго товарища уличныхъ игръ. Аналогичный случай былъ съ Жанъ-Жакомъ, когда онъ зашелъ въ одну мастерскую, гдѣ изъ шалости одинъ мальчикъ раздробилъ ему барабаномъ пальцы лѣвой руки. Раскаяніе шалуна заставило Жанъ-Жака и въ этомъ случаѣ скрыть истинную причину полученнаго имъ увѣчья, приписавъ его собственной неосторожности. Руссо долго не владѣлъ лѣвой рукой, пальцы которой остались навсегда нѣсколько поврежденными. По счастью, это была не правая рука, которой предстояло написать шедѣвры всемірной литературы

Среди такихъ-то опасностей, бездѣлья, безпечной праздности и разнообразныхъ впечатлѣній провелъ Руссо два года у дяди Бернара. Слѣдуетъ еще отмѣтить, пожалуй, его идеальное, но страстное увлеченіе дѣвицей Вюльсонъ, молодой дѣвушкой старше его лѣтъ на десять. Замѣчательно, что это романтическое увлеченіе было современно другому увлеченію четырнадцати-лѣтнею дѣвицей Готонъ, носившему отнюдь не идеальный и не романтическій характеръ. По этому поводу Руссо замѣчаетъ: «Я знаю два рода любви, два совершенно различныхъ способа любить, глубоко захватывающихъ меня и не имѣющихъ ничего общаго ни между собой, ни съ чувствомъ нѣжной дружбы. Втеченіи всей моей жизни я колебался между этими двумя столь несовмѣ-

стимыми чувствами любви. Порою я ихъ испытывалъ одновременно»: такъ здоровое чувство благородной натуры боролось въ немъ съ патологическими проявленіями наслѣдственности и вліяніями безпутнаго воспитанія! Время однако шло. Жанъ-Жаку пошелъ шестнадцатый годъ. Надо было выбирать родъ жизни. Въ конторѣ нотаріуса Массерона, куда онъ былъ опредѣленъ клеркомъ, его нашли неспособнымъ, послѣ чего рѣшено было сдѣлать его граверомъ. Въ Женевѣ, гдѣ на столькихъ часахъ нужно столько гравировать вензелей, гербовъ, всякихъ украшеній, гравировальное ремесло очень распространено. Жанъ-Жакъ былъ опредѣленъ къ мастеру Дюкоммэну ученикомъ, гдѣ и пробылъ около года. Это пребываніе было очень печальнымъ эпизодомъ въ жизни Руссо. Мастеръ отличался жестокостью, жадностью, корыстолюбіемъ. Учениковъ кое-какъ кормили, заставляли много работать, жестоко наказывали. Естественно, если ученики на недоѣданіе за обѣдомъ отвѣчали воровствомъ съѣстного; на принужденіе къ чрезвычайному труду—лѣностью и небрежностью; на наказаніе—ложью, всяческими хитростями для обмана ненавидимаго хозяина. Мало-по-малу и Руссо былъ вовлеченъ во всѣ эти неизбѣжные пороки, развиваемые ежовыми рукавицами мелкаго, но свирѣпаго тирана. Кончилась эта неравная борьба тѣмъ, что въ одно прекрасное весеннее утро Жанъ-Жакъ бѣжалъ отъ Дюкоммэна и, по примѣру своего старшаго брата Франсуа, оставилъ Женеву. Это было 14-го марта 1728 года; юному бѣглецу было безъ малаго (безъ трехъ мѣсяцевъ) шестнадцать лѣтъ. Нервный темпераментъ и независимый характеръ находятъ въ этой рѣшимости новое яркое выраженіе.

Дня два странствовалъ бѣглецъ по Женевскому кантону, находя гостепріимство у крестьянъ, послѣ чего перешелъ границу отечества и очутился въ Конфиньонѣ, пограничной савойской деревушкѣ. Католическій священникъ этой деревушки, старикъ Понверръ, радушно принялъ симпатическаго еретика. Конечно слѣдовало уговорить юношу возвратиться къ отцу. Слѣдовало дать знать отцу. Но вѣдь это означало отослать юношу на лоно ереси! Заботы о спасеніи души Жанъ-Жака побудили Понверра отослать его въ противоположную сторону. Онъ направилъ его въ глубь Савойи, въ городокъ Аннеси, къ баронессѣ Франсуазѣ-

Луизѣ Варрансъ, которая должна была содѣйствовать обращенію молодого еретика въ правовѣрнаго католика. Престарѣлый патеръ не могъ лучше выбрать способа для этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ его выборъ былъ рѣшительнымъ въ жизни Руссо. Баронесса Варансъ была самая продолжительная и, пожалуй, единственная серьезная любовь Руссо, и отношенія между ними наполняютъ бо́льшую и лучшую часть жизни великаго писателя.

Франсуаза-Луиза Делатуръ родилась въ Веве 31 мая 1699 года. Черезъ годъ она потеряла мать, а еще черезъ пять лѣтъ (1705 г.) ея отецъ, Жанъ-Баптистъ Делатуръ, одинъ изъ сеньоровъ Водуазскаго кантона, далъ ей мачиху, молодую французскую гугенотку. Въ 1709 году умеръ отецъ, и десятилѣтняя Франсуаза была помѣщена въ пансіонъ г-на Монви въ Лозаннѣ. Четырнадцати лѣтъ, въ 1713 году, она вышла замужъ за Себастіана Исаака Делуа, сеньора де-Виллердена, барона де-Варанса. Дѣтство ея было печально, полно утратъ, лишено материнскихъ заботъ. Серьезный, вѣчно занятый политическими и общественными дѣлами, мужъ не далъ ей утѣшенія. Дѣтей не было. Не удивительно, если молодая женщина, отличавшаяся страстнымъ темпераментомъ и обаятельно красивой наружностью, не удержалась на стезѣ строгой добродѣтели. Къ тому-же она выработала своеобразный взглядъ на женскую добродѣтель. Любовную связь она не считала преступленіемъ и находила, что не великодушно мучить хорошаго человѣка, отказывая ему въ любви. Это не мѣшало ей обладать замѣчательно отзывчивымъ, великодушнымъ сердцемъ, готовностью пойти на помощь всякому нуждающемуся и тонкимъ, острымъ умомъ. При красивой наружности и литературномъ развитіи все это дѣлало ее женщиной въ полномъ смыслѣ слова обаятельной. Въ 1726 году она бросила мужа, оставила Швейцарію и, принявъ католичество, поселилась въ Савойѣ, въ Аннеси. Лишенная за это оставленнаго на родинѣ своего имущества, она получила небольшую пенсію отъ Сардинскаго короля Виктора Амедея, на которую и существовала въ маленькомъ савойскомъ городкѣ. Здѣсь-то 21 марта 1728 года явился къ ней Жанъ-Жакъ Руссо съ письмомъ отъ конфиньонскаго священника. Тогда ей было безъ немногаго двадцать девять лѣтъ и она была въ полномъ расцвѣтѣ красоты и силы. Немудрено, если эта пре-

лестная, обаятельная дама произвела чарующее впечатлѣніе на пылкаго романтическаго юношу, не изгладившееся до могилы. Красивый и симпатичный Жанъ-Жакъ Руссо тоже понравился молодой баронессѣ, но прежде всего надо было подумать о спасеніи его души, погрязшей въ нечистіи кальвинской ереси!.. Для этого надо было отправить его въ Туринъ, гдѣ существовало для этой цѣли цѣлое учрежденіе. 24 марта, снабженный всѣмъ необходимымъ и въ сопровожденіи пожилыхъ опытныхъ спутниковъ, провожаемый благословеніями очаровательной покровительницы, Руссо отправился пѣшкомъ черезъ Альпы въ Туринъ. Чувство природы, которое было такъ живо въ душѣ Руссо, сдѣлало изъ этого путешествія счастливый и памятный эпизодъ въ его жизни, а литературѣ подарило нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ мемуарахъ Руссо.

Въ Туринѣ онъ былъ помѣщенъ въ монастырь, спеціально занимавшійся обращеніемъ невѣрныхъ еретиковъ. Около четырехъ мѣсяцевъ пробылъ Руссо въ этомъ учрежденіи, обучаясь догматамъ католической религіи. Въ концѣ лѣта состоялось торжественное обращеніе, и, снабженный небольшой суммой въ 20 франковъ, собранныхъ по подпискѣ, новообращенный шестнадцатилѣтній католикъ былъ выпущенъ на улицы Турина, предоставленный собственной участи. Сначала онъ попробовалъ примѣнить къ дѣлу свои несовершенныя познанія въ граверномъ ремеслѣ. Одна молоденькая и красивая лавочница, по фамиліи Базиль, болѣе плѣненная симпатичной наружностью и открытымъ, довѣрчивымъ сердцемъ юноши, нежели его искусствомъ, предоставила ему нѣкоторыя работы въ лавкѣ своего отсутствующаго мужа. Однако это не понравилось возвратившемуся вскорѣ супругу, и Жанъ-Жакъ былъ выпровоженъ изъ лавки, снова лишенный и работы, и ласковаго вниманія красивой итальянки.

Необходимость добывать кусокъ хлѣба и неудача съ граверствомъ заставили нашего мечтателя не побрезгать мѣстомъ прислуги въ домѣ графини Верчели, гордой и вліятельной аристократки. Престарѣлая графиня была очень больна, но не покидала своей обширной политической и литературной переписки. Сама она однако уже не могла писать, и литературно-грамотный Жанъ-Жакъ ей пришелся совершенно кстати. Онъ замѣнилъ ей домаш-

няго секретаря, хотя и оставался въ положеніи лакея. И мѣсяца не пробылъ Руссо на этомъ мѣстѣ, какъ скончалась графиня и слуги были распущены ея наслѣдникомъ. Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, извѣстный намъ единственно изъ «*Исповѣди*» самого Руссо и составляющій несомнѣнно самое темное приключеніе его жизни. Влюбчивому Жанъ-Жаку нравилась молодая дѣвушка, по имени Маріана, одна ихъ младшихъ горничныхъ графскаго дворца. Желая ей подарить что-нибудь и не имѣя для того средствъ, онъ прельстился розовой лентой, принадлежавшей старшей камеристкѣ графини. Ленту онъ похитилъ, но передать Маріанѣ не успѣлъ, такъ какъ камеристка скоро замѣтила пропажу, надѣлала шума, и злополучная лента была найдена у молодого лакея, который однако въ свое оправданіе сказалъ, будто ленту эту ему подарила Маріана. Возмущенная дѣвушка рѣшительно отрицала, Жанъ-Жакъ настаивалъ, свидѣтелей не было, дѣло осталось невыясненнымъ. Лента была возвращена по принадлежности, а Маріана и Жанъ-Жакъ оба были отпущены вмѣстѣ съ прочими слугами покойной графини. Такъ окончился этотъ эпизодъ, впослѣдствіи причинившій Жанъ-Жаку много нравственныхъ мученій, но явившійся довольно естественнымъ плодомъ опытности, пріобрѣтенной въ незадолго оставленной имъ мастерской женевскаго гравера.

«Мнѣ неизвѣстно,—прибавляетъ къ своему разсказу объ этомъ эпизодѣ Руссо,—мнѣ неизвѣстно, что̀ затѣмъ сталось съ бѣдной жертвой моей клеветы. Едва-ли послѣ такого инцидента она могла безъ затрудненія найти новое мѣсто. Она уносила съ собой обвиненіе, во всѣхъ отношеніяхъ марающее ея честь. Сама кража была наименьшее въ этомъ безчестіи. Это была однако кража съ цѣлью соблазнить молодого мальчишку. Наконецъ ложь и запирательство дополняли тяжелую картину, не оставлявшую никакой надежды на исправленіе дѣвушки, соединившей въ себѣ столько пороковъ. Нищета и нужда, въ которыя могла ввергнуть Маріану моя клевета, мнѣ рисуются, какъ естественное начало судьбы бѣдной дѣвушки, а далѣе? Кто знаетъ, куда въ ея годы могло привести это незаслуженное униженіе? И если сама мысль, что она можетъ быть несчастна по моей винѣ, является для меня невыносимой, то еще гораздо тяжелѣе думать, что я своимъ гнус-

нымъ поступкомъ могъ толкнуть ее на путь, еще болѣе недостойный. Это жестокое воспоминаніе меня часто смущаетъ, и порою я вижу во снѣ бѣдную, невинную Маріану: она приходитъ и упрекаетъ меня за мое преступленіе, которое мнѣ представляется такъ живо, какъ бы оно было совершено вчера. Покуда я жилъ спокойно, оно меня меньше мучило. Но среди бурной жизни оно отнимаетъ у меня утѣшеніе, даваемое сознаніемъ неправаго гоненія. Оно научило меня той истинѣ, о которой я уже упоминалъ въ другихъ трудахъ, что раскаяніе дремлетъ среди благополучнаго существованія и со всею силою и болью пробуждается среди невзгодъ и лишеній. Какъ ни тягостно было мнѣ носить это сознаніе въ своемъ сердцѣ, я никогда не былъ въ силахъ повѣрить его даже самому близкому другу, даже Варансъ. Я могъ сказать ей только, что чувствую за собой вину жестокаго поступка, не будучи въ силахъ сообщить его сущность. Эта тяжесть до сего дня лежала на моей совѣсти. Желаніе исповѣдаться въ ней и было одной изъ побудительныхъ причинъ, по которымъ я рѣшился написать эту «*Исповѣдь*».

Такими-то мучительными яркими красками рисовало пылкое воображеніе Руссо этотъ неприглядный эпизодъ его юности. Конечно въ значительной степени это была фантазія, продиктованная горячимъ чувствомъ справедливости и жестокимъ раскаяніемъ. Въ дѣйствительности дѣло было гораздо проще. Графъ де-ла Рокъ, племянникъ и наслѣдникъ графини Верчели, лично разбиралъ это дѣло между двумя подростками. Не имѣя данныхъ для обвиненія того или другого, онъ отпустилъ обоихъ, сказавъ только, что «совѣсть виновнаго накажетъ его за невиннаго». Это говоритъ самъ Руссо, а такъ какъ Маріана ни въ чемъ не обвиняла Руссо а только оправдывалась, то слова графа показываютъ, что онъ скорѣе склонялся на сторону Маріаны. Прислуга, знавшая ее дольше, чѣмъ Жанъ-Жакъ, тоже была на ея сторонѣ, какъ тоже сообщаетъ самъ Руссо. Послѣдствія для Маріаны, рисуемыя Руссо, были фантазіей, но послѣдствія для Руссо были серьезнѣе. Стыдъ всего этого приключенія излечилъ его отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ у Дюкоммэна. Онъ увидѣлъ, что мелкое воровство и ложь приводятъ иногда къ очень тяжелымъ и постыднымъ положеніямъ. У Дюкомэнна же это было есте-

ственной и даже необходимой самообороной отъ свирѣпой тиранніи жаднаго хозяина.

Отпущенный послѣ смерти графини Верчели, Руссо скоро получилъ по рекомендаціи графа де-ла-Рока мѣсто лакея у графа Гувона. Способности молодого слуги обратили вниманіе аббата Гувона, сына стараго графа. Аббатъ взялся докончить его образованіе, но не суждено было осуществиться и этой новой попыткѣ дать Жанъ-Жаку систематическое образованіе. Неуравновѣшенный, недисциплинированный, неусидчивый характеръ Руссо былъ тому причиной. Должность лакея конечно мало говорила его уму и сердцу. Она ему наскучила, и онъ сталъ небрежно исполнять свои лакейскія обязанности. Память о нѣжномъ вниманіи баронессы Варансъ, собственно говоря, никогда не покидала его и теперь проснулась съ новой силой. Его влекло въ Аннеси. Встрѣча съ землякомъ-женевцемъ еще болѣе отвратила его отъ Турина и влекла за Альпы. Онъ совсѣмъ пренебрегъ своими обязанностями. Управляющій дворцомъ отказалъ ему. Попытка аббата Гувона уладить эту исторію разбилась объ упорство Руссо, который ему отвѣтилъ, что, получивъ отказъ, онъ не можетъ возвратиться. Съ небольшимъ годъ онъ пробылъ такимъ образомъ въ Туринѣ и осенью 1729 года уже снова предсталъ передъ обожаемой Варансъ. Удивленная и обрадованная, она расплакалась и воскликнула: «Теперь, когда Провидѣніе мнѣ вторично посылаетъ этого милаго мальчика, я больше не оставлю его». Руссо остался у Варансъ, и здѣсь кончается первый періодъ его жизни, бурный періодъ его дѣтства и отрочества. Мы подробно прослѣдили этотъ періодъ. Мы показали, какъ сначала у отца, у Ламберсье, у Бернара богато одаренная, пылкая, благородная природа боролась съ неблагопріятными вліяніями, жадно всасывая все доброе, глубоко чувствуя все злое. Натура маленькаго Жанъ-Жака вышла побѣдителемъ изъ этихъ испытаній, хотя на ней уже обрисовались и тѣни наслѣдственной невропатіи. Слѣдующій затѣмъ періодъ пребыванія у гравера Дюкоммэна и туринскія скитанія по лакейскимъ пьемонтскихъ аристократовъ легли мрачной тѣнью на жизни Руссо. Пагубныя условія пробудили низкіе инстинкты, но и здѣсь въ концѣ концовъ здоровые инстинкты взяли верхъ. Пятнадцати-лѣтній мальчикъ оставляетъ школу порока и уни-

женія у Дюкоммэна и пробуетъ взять судьбу свою въ свои руки. Тѣ же здоровые инстинкты пробуждаются въ немъ и въ Туринѣ и гонятъ его изъ лакейской милостиваго графа Гувона. Подъ слоями грязи, наросшей въ мастерской гравера, въ лакейскихъ графини Верчели и графа Гувона, скрывалась пылкая и благородная душа, жаждавшая правды, добра, жертвы. «Въ эту пору его жизни, — пишетъ лучшій его біографъ, Джонъ Морлей — трудно бы было найти человѣка, который меньше его былъ-бы способенъ возбудить симпатіи къ себѣ, вызвать участіе къ своей судьбѣ. Для этого надо было быть наблюдателемъ, глубоко изучившимъ тайные изгибы человѣческаго характера; надо было предугадать въ этомъ скрытномъ, чувственномъ, неусидчивомъ и мечтательномъ мальчикѣ тѣ душевныя силы, которыя нѣкогда разольютъ пламя по цѣлому свѣту.» Доброе отзывчивое сердце Франсуазы Варансъ постигло это «нѣчто» въ юномъ Жанъ-Жакѣ, — нѣчто, столь мало постижимое мудрецами. Ей міръ обязанъ сохраненіемъ этой хрупкой организаціи, которая могла бы и не выдержать, если бы нѣжная привязанность этой прелестной женщины не дала отдыха измученному юношѣ и не приготовила его къ перенесенію новыхъ, еще болѣе тяжелыхъ испытаній.

Съ 1729 по 1740 гг., съ небольшимъ десять лѣтъ, продолжалась съ нѣкоторыми перерывами совмѣстная жизнь Руссо и Варансъ. Сначала это было романтическое, идеальное обожаніе съ его стороны и нѣжная, почти материнская привязанность съ ея стороны. Ему было семнадцать, ей — тридцать лѣтъ. Потомъ, когда юноша превратился въ здороваго, пылкаго и нѣжнаго молодого человѣка, эта симпатія перешла въ горячую взаимную любовь, которая дала имъ нѣсколько лѣтъ безмятежнаго счастья. Причиной разлуки было новое увлеченіе легкомысленной, сумасбродной, но всегда искренней и великодушной Варансъ. Разскажемъ вкратцѣ главнѣйшія событія этого сравнительно мирнаго и спокойнаго періода въ жизни Руссо.

Варансъ первоначально составила планъ сдѣлать изъ своего юноши священника и уговорила его отправиться для этого въ семинарію, но эти планы были не по душѣ Жанъ-Жаку. Къ тому же и его преподаватели находили его малоспособнымъ. Это облегчило для Руссо его задачу уговорить свою покровительницу дозволить

ему посвятить себя музыкѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ хоръ пѣвчихъ въ Аннеси и попалъ подъ руководство регента Леметра, тонкаго знатока музыки, отличнаго преподавателя, но необузданнаго и безпорядочнаго человѣка. Руссо, всегда любившій музыку, многому обязанъ Леметру и, по своему обыкновенію, горячо привязался къ учителю. Когда же послѣдній поссорился съ настоятелемъ костела и тайно скрылся изъ Аннеси, Руссо послѣдовалъ за нимъ съ благословенія Варансъ, которая повидимому имѣла свои причины временно удалить своего любимца. Ей предстояло путешествіе въ Парижъ съ какими-то таинственными политическими порученіями. Руссо однако оставилъ Леметра въ Ліонѣ и возвратился въ Аннеси, но уже не засталъ баронессы. Нѣкоторое время онъ жилъ у нея въ квартирѣ, предавался уединеннымъ прогулкамъ, наслаждался роскошной природой этого края и даже чуть не увлекся двумя молоденькими дѣвушками, встрѣченными имъ на прогулкѣ. Однако Варансъ не возвращалась, и квартира ея пустѣла. Послѣдняя прислуга, молодая горничная баронессы, оставила квартиру и рѣшила отправиться домой, къ родителямъ, въ Бернскомъ кантонѣ. Жанъ Жакъ охотно принялъ ея предложеніе проводить ее на родину. Онъ любилъ пѣшеходныя странствованія, а въ настоящемъ случаѣ и перспектива увидѣть родину и отца склоняла его къ тому же. Онъ побывалъ въ Ніонѣ у отца. Затѣмъ онъ поселился въ Лозаннѣ и занялся преподаваніемъ музыки, къ чему онъ былъ слишкомъ мало приготовленъ.

Онъ даже давалъ концертъ, но конечно провалился. Неудачи въ Лозаннѣ заставили его перенести свою музыкальную дѣятельность въ Невшатель. Болѣе опытный уже, по природѣ музыкальный, старательно учившійся самъ, Руссо успѣлъ въ Невшателѣ пріобрѣсть уроки и давалъ ихъ не безъ успѣха. Здѣсь онъ встрѣтилъ одного сирійскаго монаха, выдававшаго себя за іерусалимскаго архимандрита и собиравшаго пожертвованія на религіозныя учрежденія Іерусалима. Руссо очень увлекся дѣятельностью монаха и примкнулъ къ нему, но въ Золотурнѣ французскій посланникъ, ранѣе того бывавшій на Востокѣ, уличилъ самозваннаго архимандрита и пріютилъ у себя Руссо, который увлекся идеей поступить на военную службу. Посланникъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ Руссо надѣялся застать и Варансъ. Эта надежда не

осуществилась такъ же, какъ и планы военной службы. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Парижѣ онъ рѣшилъ возвратиться въ Савойю, гдѣ и нашелъ Варансъ, но уже не въ Аннеси, а въ другомъ городкѣ Савои, въ Шамбери.

Всѣ эти многочисленныя путешествія 1731 года: изъ Аннеси въ Ліонъ, изъ Ліона въ Аннеси, изъ Аннеси черезъ Женеву и Лозанну въ Фрибургъ, изъ Фрибурга въ Лозанну, изъ Лозанны въ Невшатель, изъ Невшателя черезъ Бернъ и другіе города Швейцаріи въ Золотурнъ, изъ Золотурна въ Парижъ и изъ Парижа черезъ Ліонъ и Аннеси въ Шамбери—были совершены Руссо пѣшкомъ и наполнили его жизнь именно тѣми впечатлѣніями сердечнаго общенія съ природой и простымъ деревенскимъ бытомъ, которыя были такъ любимы Жанъ-Жакомъ и о которыхъ онъ намъ оставилъ столько безподобныхъ картинъ. Слѣдить за ними—значило бы перепечатать многія страницы «*Исповѣди*», посвященныя этимъ странствованіямъ. Ни мѣсто, ни объемъ нашей задачи не позволяютъ этого. Я отмѣчу одинъ эпизодъ путешествія изъ Парижа въ Ліонъ, характерный для исторіи постепенной выработки идей и философскаго настроенія Руссо. Приведемъ этотъ эпизодъ словами самого Руссо: «Однажды, увлеченный желаніемъ ближе увидѣть мѣстность, которая мнѣ издали казалась особенно восхитительной, я свернулъ съ большой дороги, но затѣмъ, увлекаясь видами, столько разъ сворачивалъ вправо и влѣво, впередъ и назадъ, что потерялъ дорогу. Проблудивъ безполезно нѣсколько часовъ, истомленный до изнеможенія, проголодавшійся до смерти, я зашелъ въ хижину крестьянина, очень бѣдную и невзрачную лачужку, но единственную, встрѣченную мною въ окрестности. Я полагалъ, что и здѣсь, во Франціи, такъ же, какъ въ Женевѣ и вообще въ Швейцаріи, всѣ могутъ по желанію и средствамъ оказывать гостепріимство путнику. Я попросилъ хозяина дать мнѣ пообѣдать за плату. Онъ мнѣ предложилъ снятого молока и грубаго ячменнаго хлѣба, увѣряя, что это все, что онъ имѣетъ. Я съ жадностью пилъ это молоко и уничтожилъ весь поданный мнѣ ломоть хлѣба, но этого было недостаточно для человѣка, столь утомленнаго и такъ проголодавшагося. Мой аппетитъ убѣдилъ моего крестьянина въ совершенной правдивости моего разсказа о себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ, прибавивъ, что видитъ

во мнѣ добраго и честнаго человѣка, который не пожелаетъ предать его. Затѣмъ онъ открылъ маленькій трапъ около кухни, спустился въ подполье и скоро возвратился, неся прекрасный пшеничный хлѣбъ, аппетитный кусокъ окорока и бутылку порядочнаго вина, что̀ меня, голоднаго и жаждущаго, очень обрадовало. Къ этому была прибавлена отличная яичница, и я пообѣдалъ съ удовольствіемъ, съ какимъ рѣдко обѣдаютъ гастрономы. Когда пришло время расплачиваться, мой гостепріимный хозяинъ рѣшительно и съ явнымъ страхомъ отказывался принять плату. Я не понималъ, чего онъ боится. Наконецъ онъ произнесъ имена надзирателей и сборщиковъ. Онъ мнѣ сознался, что прячетъ отъ нихъ свое вино и свой хлѣбъ и что онъ былъ бы въ конецъ разоренъ, если-бы агенты эти не были увѣрены, что онъ умираетъ съ голода. Все это и многое другое, что̀ онъ передавалъ мнѣ, оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Отсюда зародилась во мнѣ та неугасимая ненависть, которая съ этихъ поръ наполняетъ мое сердце противъ лишеній, испытываемыхъ несчастнымъ народомъ, и противъ его угнетателей. Этотъ крестьянинъ, хотя и зажиточный, не смѣлъ спокойно ѣсть хлѣбъ, добытый въ потѣ лица, и могъ избѣжать разоренія, лишь прикидываясь такимъ же нищимъ, какъ были всѣ вокругъ него. Я вышелъ изъ его жилища столько же возмущенный, сколько растроганный, оплакивая въ сердцѣ своемъ судьбу этого чуднаго края, который природа осыпала дарами своими, ставшими добычей этихъ ненасытныхъ варваровъ».

Такъ въ сердцѣ девятнадцатилѣтняго юноши накоплялись мало по малу впечатлѣнія и мысли, черезъ двадцать лѣтъ взволновавшія весь цивилизованный міръ. Втеченіи этого же путешествія, лѣтомъ 1731 года, Жанъ-Жакъ, будучи въ Парижѣ, написалъ въ стихахъ сатиру на капитана Годара, съ которымъ онъ имѣлъ сношенія, когда мечталъ о военной службѣ. Эта полудѣтская шутка была первымъ литературнымъ опытомъ Руссо. Осенью того же 1731 г. Жанъ-Жакъ былъ снова подъ радушной кровлей своей обожаемой и нѣжной покровительницы, въ савойскомъ мѣстечкѣ Шамбери, прославленномъ этимъ продолжительнымъ пребываніемъ великаго мыслителя, ставшимъ послѣ того мѣстомъ, куда стекаются многочисленные поклонники великаго писателя, стараясь увидѣть эти виды, пейзажи и тропинки, по которымъ бродилъ, которыми любо-

вался, у которыхъ вдохновлялся еще безвѣстный тогда юноша, носившій однако въ своемъ сердцѣ судьбы человѣчества.

Почти восьмилѣтнее пребываніе Руссо въ Шамбери очень скудно внѣшними событіями, такъ рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ предыдущаго и послѣдующаго періодовъ его жизни. Изученіе музыки и ея преподаваніе было долгое время главнымъ занятіемъ Руссо и служило ему средствомъ къ жизни. Одно время онъ состоялъ чиновникомъ въ статистическомъ бюро финансоваго вѣдомства Сардиніи. Въ это же время онъ получилъ наслѣдство, оставшееся послѣ матери и переданное имъ госпожѣ Варансъ. Нѣсколько разъ онъ предпринималъ маленькія путешествія въ Женеву, гдѣ жила его тетка Бернаръ, потерявшая въ это время и мужа, и сына;—въ Ніонъ, гдѣ продолжалъ жить его отецъ;—въ Ліонъ, куда его влекли нѣкоторыя завязанныя имъ интеллигентныя знакомства... Любовь его нѣжной подруги; природа, столь великолѣпная въ этомъ чудесномъ уголкѣ западныхъ Альпъ; музыка, всегда съ дѣтства составлявшая его любимое занятіе; систематическое самообученіе, которымъ молодой человѣкъ старался самъ пополнить свое недоконченное образованіе; первые робкіе литературные опыты въ стихахъ и прозѣ,—такъ разнообразна и богата была внутренняя жизнь Руссо въ это время, когда окончательно вырабатывался и складывался типъ и направленіе мысли будущаго властелина сердецъ и мысли многихъ поколѣній.

Латинскій языкъ, математика, физика, химія, астрономія, исторія, ботаника, но особенно литература и философія были изучаемы геніальнымъ юношей въ эти тихіе годы безмятежно счастливой жизни съ его любимой Франсуазой въ Шамбери и въ поэтическихъ Шарметтахъ, сосѣдней деревушкѣ. Вотъ подробное описаніе его дня въ Шарметтахъ, съ нѣжной памятью занесенное имъ на страницы «Confessions»:

«Обыкновенно я вставалъ очень рано, до восхода солнца, и отправлялся на свою утреннюю прогулку. Большей частью я выбиралъ для этого тропинку, проложенную повыше нашего виноградника по живописной мѣстности и выводившую меня къ Шамбери. Тамъ, во время этой уединенной прогулки, я творилъ свою утреннюю молитву. Никакихъ заученныхъ словъ я не произносилъ при этомъ. Молитва моя заключалась въ восторженномъ покло-

неніи сердцемъ моимъ Тому, Кто сотворилъ эту чудную природу, что́ окружала меня. Я не люблю молиться въ комнатѣ: мнѣ кажется, что стѣны и всѣ эти мелочи окрестъ меня становятся между Богомъ и мною. Я люблю познавать Его въ Его твореніяхъ и сердцемъ своимъ возноситься къ Нему. Мои молитвы были чисты. Для себя и для той, которую никогда не отдѣлялъ отъ себя, я просилъ жизни, невинной и спокойной, безъ пороковъ, болѣзней, тяжелыхъ лишеній; я просилъ смерти праведныхъ и ихъ участи въ будущей жизни. Но болѣе, нежели въ прошеніи, эта молитва заключалась въ поклоненіи и сердечномъ умиленіи. Я зналъ, что заслуживать милость Того, Кто распредѣляетъ блага этой жизни, надо не столько просьбами, къ Нему обращенными, сколько доброй жизнью. Надо не столько просить, сколько заслужить... Съ прогулки я возвращался другой дорогой, дѣлая значительный обходъ и съ любовью слѣдя взоромъ по мирнымъ картинамъ сельской жизни, природы, труда, картинамъ, которыя однѣ никогда не надоѣдаютъ. Издали уже я всматривался въ наше жилище, стараясь разглядѣть, начался-ли день у моего друга? Если я замѣчалъ, что ставни ея комнаты уже отперты, я, радостный, спѣшилъ къ ней. Если же онѣ были затворены, я ждалъ ея пробужденія въ саду, занимаясь садоводствомъ, мысленно повторяя выученное наканунѣ. Наконецъ отворялись ставни, и я спѣшилъ къ постели моей подруги, чтобы обнять ее, часто еще полупробужденную, полудремлющую. И это утреннее свиданіе, чистое и нѣжное, было очаровательнѣе самой жгучей страсти.

«Обыкновенно на завтракъ мы имѣли кофе со сливками. Это было самое спокойное время дня у насъ, когда мы свободнѣе и пріятнѣе всего проводили время вдвоемъ. Эти утреннія свиданія наединѣ оставили во мнѣ навсегда особенное пристрастіе къ завтраку. Я предпочитаю поэтому англійскіе и швейцарскіе завтраки французскимъ, подаваемымъ каждому въ его комнату и наскоро съѣдаемымъ людьми, спѣшащими къ своему дѣлу. Часа два проводили мы вдвоемъ по случаю завтрака, послѣ чего я отправлялся къ своимъ книгамъ, въ мою комнату, гдѣ и занимался до обѣда. Начиналъ я съ философскихъ сочиненій вродѣ «Логики» или «Essays» Локка, Мальбранша, Лейбница, Декарта и другихъ. Я конечно не могъ не видѣть, что авторы эти постоянно про-

тиворѣчатъ другъ другу. Сначала я задался химерическимъ планомъ ихъ согласовать. Я изнемогалъ подъ этой непосильной задачей и много потерялъ на нее времени. Я терялъ голову и не подвигался впередъ въ моемъ философскомъ развитіи. Наконецъ я отказался отъ этой химеры и избралъ другой методъ изученія, которому я и обязанъ всѣми своими успѣхами на этомъ пути и который былъ наиболѣе пригоденъ для меня, вообще мало способнаго къ ученію. Принимаясь за какого-нибудь автора, я ставлю своей задачей усвоить его точку зрѣнія, проникнуться его идеями и слѣдовать за нимъ, не примѣшивая ни своихъ идей, ни идей другого мыслителя, никогда не стараясь его оспаривать или ему противорѣчить. Я сказалъ себѣ: начнемъ съ того, чтобы скопить въ головѣ цѣлый магазинъ идей, истинныхъ и ложныхъ, но непремѣнно ясныхъ, и предоставимъ въ будущемъ головѣ моей, уже достаточно наполненной идеями, разобраться въ нихъ и выбрать болѣе вѣрныя. Я сознаю, что методъ этотъ имѣетъ свои неудобства, но мнѣ онъ много помогъ въ моемъ самообразованіи. Въ концѣ нѣсколькихъ лѣтъ, посвященныхъ такому мышленію по слѣдамъ другихъ, почти безъ критики и собственной оцѣнки, я оказался обладателемъ достаточно значительнаго капитала идей и методовъ, чтобы обратиться къ собственной мысли и не нуждаться болѣе въ помощи другихъ. Послѣ странствованія и дѣла лишили меня возможности предаваться попрежнему книгамъ; мысль моя невольно и постоянно возвращалась къ прочитанному, къ сравненію, провѣркѣ, критикѣ. Я обстоятельно взвѣшивалъ силу доводовъ, я судилъ своихъ учителей. Довольно поздно я далъ свободу своему критическому мышленію, но, кажется, это не ослабило его. И когда я публиковалъ свои собственныя идеи, меня никто не обвинялъ въ заимствованіи, въ слѣпомъ слѣдованіи указкѣ учителей, въ клятвахъ in verba magistri.

«Отъ философіи я переходилъ къ элементарной геометріи. Я никогда не поднялся въ этомъ изученіи выше. Недостатокъ памяти заставлялъ меня много разъ возвращаться къ началу и снова повторять все пройденное. Эвклидъ былъ мнѣ не по вкусу. Онъ гонится болѣе за цѣпью доводовъ, нежели за связностью идей. Геометрія Лами мнѣ, напротивъ того, очень понравилась, и Лами сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ моихъ авторовъ. Порою я и

теперь съ удовольствіемъ перечитываю его сочиненія. Послѣ геометріи слѣдовала алгебра, и тотъ же Лами былъ и здѣсь моимъ руководителемъ. Когда я изучилъ элементарную алгебру по Лами, я занимался «*Наукою Исчисленія*» Рейно, потомъ его же «Analyse démontrée», который впрочемъ я лишь поверхностно перечиталъ. Никогда я не былъ достаточно посвященъ въ тайны математическаго анализа, чтобы вполнѣ усвоить приложеніе алгебры къ геометріи. Мнѣ былъ не по вкусу этотъ методъ оперировать надъ геометрическими данными, ихъ не видя, и рѣшать геометрическую проблему, при помощи алгебраическихъ уравненій, мнѣ казалось все равно, что играть арію, вертя рукоятку шарманки. Когда напр. впервые я нашелъ, путемъ исчисленія, что квадратъ двучлена равняется суммѣ квадратовъ составляющихъ его членовъ съ приложеніемъ удвоеннаго произведенія этихъ-же членовъ другъ на друга, я не былъ удовлетворенъ этимъ исчисленіемъ и, не смотря на его совершенную точность, только тогда довѣрился выводу, когда провѣрилъ его графически. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы я не любилъ алгебры вообще, но она увлекала меня лишь въ области абстрактныхъ величинъ. Когда же ее примѣняли къ пространственнымъ величинамъ, я желалъ видѣть, какъ эта операція осуществляется въ фигурахъ и линіяхъ. Иначе мой умъ отказывается уразумѣть сущность рѣшенной теоремы и ея правильность.

«За алгеброй слѣдовалъ латинскій языкъ. Это были самые трудные для меня часы ученія, и многаго я не успѣлъ достичь въ этомъ предметѣ. Сначала я слѣдовалъ общепринятому методу учебниковъ, но безплодно. Эти варварскія вирши мнѣ были противны и мои уши были для нихъ глухи. Я терялся въ лабиринтѣ и, выучивая послѣднее, забывалъ предыдущее. Заучиваніе словъ тоже не можетъ быть успѣшно для ума, почти лишеннаго памяти. Я упорствовалъ долго на этомъ пути, надѣясь развить память. Въ концѣ концовъ пришлось все-таки оставить этотъ методъ. Я достаточно усвоилъ строеніе языка, чтобы, при помощи словаря, читать не трудныхъ авторовъ. Я выбралъ эту дорогу и по ней двигался успѣшнѣе. Я дѣлалъ устный переводъ читаемаго и, упражненіями и временемъ, достигъ способности довольно свободно читать латинскихъ авторовъ, но никогда не могъ ни писать, ни го-

ворить по латыни. Это обстоятельство порою ставило меня въ затруднительное положеніе, послѣ того какъ я, неизвѣстно почему и какъ, былъ включенъ въ сословіе литераторовъ. Другое неудобство такого самообученія заключалось въ невозможности усвоить просодію и версификацію. Я затратилъ много усилій и труда на это изученіе, потому что желалъ чувствовать гармонію языка прозаическаго и поэтическаго. Я долженъ былъ убѣдиться однако, что безъ учителя это почти невозможно. Усвоивъ самый легкій размѣръ, именно гекзаметръ, я имѣлъ терпѣніе проскандировать почти всего Виргилія, отмѣтивъ повсюду ударенія и долготу слоговъ. Потомъ, когда я бывалъ въ сомнѣніи, должно-ли почитать данный слогъ долгимъ или короткимъ, я обращался къ моему размѣченному Виргилію. Очевидно, это вело меня нерѣдко въ ошибки, въ виду нѣкоторыхъ льготъ и пропусковъ, допускаемыхъ правилами латинскаго стихосложенія. Такимъ образомъ, если самообученіе имѣетъ свои преимущества, то вмѣстѣ съ тѣмъ изобилуетъ и неудобствами, и трудностями. Я знаю это лучше кого бы то ни было.

«Передъ обѣдомъ я оставлялъ книги и, если еще оставалось время, шелъ навѣстить моихъ друзей, голубей, или ухаживалъ за растеніями въ саду. Къ обѣду я приходилъ обыкновенно въ отличномъ расположеніи духа и съ прекраснымъ аппетитомъ. Вообще аппетитъ меня никогда не покидаетъ, даже когда я боленъ. Мы обѣдали самымъ пріятнымъ образомъ, въ веселыхъ разговорахъ, не торопясь. Два или три раза въ недѣлю, смотря по погодѣ, мы пили послѣобѣденный кофе въ саду, въ бесѣдкѣ, тѣнистой и прохладной, которую я обсадилъ хмелемъ и которая доставляла намъ много отрады во время зноя. Затѣмъ мы осматривали нашъ огородъ, наши цвѣтники, садъ, болтали о нашей счастливой жизни, и эти бесѣды заставляли насъ еще сильнѣе чувствовать ея радости, это мирное счастье. Въ концѣ сада я имѣлъ другую маленькую семью: это были мои пчелы. Я ихъ посѣщалъ ежедневно и часто мы оба. Съ интересомъ слѣдилъ я за ихъ трудами; меня забавляло наблюдать, какъ онѣ возвращались съ бедрами, до такой степени навьюченными добычей, что съ трудомъ передвигали ногами. Въ первое время мое любопытство показалось имъ нескромнымъ и два или три раза онѣ укусили меня. Но затѣмъ мы

такъ хорошо познакомились, что я могъ подходить такъ близко, какъ хотѣлъ: онѣ не трогали меня. И какъ бы ни были полны ульи, готовые выпустить рой, какъ бы пчелы меня ни окружали, садились мнѣ на руки, на платье, ползали по лицу, онѣ никогда не кусались. Всѣ животныя не довѣряютъ человѣку. Они имѣютъ слишкомъ много основаній для этого. Но однажды они убѣждаются, что человѣкъ не желаетъ имъ зла, они вполнѣ довѣряются ему, и надо быть по истинѣ дикаремъ, чтобы обмануть это довѣріе.

«Послѣ этого отдыха я снова возвращался къ книгамъ. Послѣобѣденныя занятія мои можно впрочемъ скорѣе назвать отдыхомъ и удовольствіемъ, нежели ученіемъ. Систематическая работа послѣ обѣда, среди зноя, мнѣ была затруднительна, и я просто читалъ, не изучая. Меня занимала особенно исторія географіи, и такъ какъ это не требовало напряженія ума, я достигъ порядочныхъ результатовъ, насколько моя память то дозволяла. Я хотѣлъ также изучить Пето и погрузился было въ сумракъ хронологіи, но критика безъ дна и безъ береговъ не пришлась мнѣ по вкусу. Болѣе привлекало меня точное измѣреніе времени по движенію свѣтилъ небесныхъ. Я очень увлекся даже астрономіей, но отсутствіе инструментовъ сдерживало это увлеченіе. Пришлось ограничиться общими понятіями, усвоенными изъ книгъ и суммарнымъ ознакомленіемъ съ небомъ при содѣйствіи небольшой зрительной трубы, которая была мнѣ необходима, какъ близорукому. Не могу не припомнить кстати одного маленькаго комическаго приключенія, порожденнаго моими астрономическими наблюденіями. Чтобы ознакомиться съ созвѣздіями, я пріобрѣлъ небесную планисферу (карту сѣвернаго неба) Я натянулъ ее на раму и въ ясныя звѣздныя ночи выходилъ въ садъ, гдѣ укрѣплялъ ее на четырехъ шестахъ, вышиной въ мой ростъ, обращая картой внизъ и освѣщая снизу свѣчей, спрятанной въ ведрѣ, чтобы не задувалъ вѣтеръ. Затѣмъ, наблюдая карту простымъ глазомъ, а небо въ трубу, я старался изучить звѣзды и созвѣздія. Нашъ садикъ былъ на возвышеніи и съ дороги было видно все, что въ немъ дѣлается. Однажды запоздалые крестьяне, проходя мимо, увидѣли меня за моимъ занятіемъ. Свѣтъ, падающій снизу на мою планисферу, причемъ источникъ свѣта былъ отъ нихъ скрытъ, че-

тыре шеста, поддерживающіе громадный листъ, покрытый какими-то знаками, наконецъ отраженія свѣта зрительной трубой, бѣгавшія окрестъ при движеніи трубы, все это порождало въ нихъ идею о волшебствѣ. Они крайне перепугались, а мой костюмъ никакъ не могъ ихъ успокоить: ночной колпакъ на головѣ, дамскій ватный капотъ на плечахъ (который меня заставила надѣть заботливая подруга) должны были окончательно убѣдить ихъ, что передъ ними колдунъ, а полуночное время внушило имъ мысль о началѣ шабаша. Испуганные, они поспѣшили удалиться и разбудили сосѣдей, передавая имъ свои ужасныя наблюденія. На утро уже вся окрестность знала, что вчера ночью состоялся шабашъ колдуновъ и вѣдьмъ въ нашемъ саду. Не знаю, къ чему привели бы эти слухи, если бы одинъ изъ крестьянъ, бывшихъ свидѣтелями моего колдовства, не донесъ объ этомъ немедленно двумъ іезуитамъ, насъ посѣщавшимъ. Не зная еще въ чемъ дѣло, они поспѣшили успокоить крестьянина. Они разсказали мнѣ эту исторію, я имъ объяснилъ причину, но все же было рѣшено, что я больше не буду рисковать и оставлю мое остроумное изобрѣтеніе, а справляться съ небесною картою буду дома...

«Таковъ былъ мой образъ жизни въ Шарметтахъ, когда я не былъ занятъ полевыми работами, къ которымъ я всегда чувствовалъ большую склонность. По скольку позволяли мои слабыя силы, я старался дѣлать всю крестьянскую работу. Правда, эти силы были такъ не велики, что я могу говорить скорѣе о своихъ желаніяхъ въ этомъ отношеніи, нежели объ исполненіи.»

Эта длинная цитата изъ «*Исповѣди*» прекрасно рисуетъ жизнь Руссо въ эти годы. Описаніе это относится къ лѣту 1736 года, но всѣ лѣта съ 1733 по 1739 года были въ общихъ чертахъ одинаковы. То же упорное самообученіе, тѣ же наслажденія природой, то же упоеніе нѣжными отношеніями съ Франсуазой Варансъ. Зимніе дни, проводимые въ городкѣ, отличались отъ лѣтнихъ вакаціонныхъ преподаваніемъ музыки и службой въ статистическомъ бюро. Научныя занятія однако не прекращались и зимой; они только разнообразились втеченіи этихъ шести-семи лѣтъ счастливой любви Руссо и Варансъ. По мѣрѣ изученія, одни предметы замѣнялись другими, одни авторы слѣдовали за другими. Философія, математика, латинскій языкъ и музыка соста-

вляютъ однако постоянное занятіе этого слабаго здоровьемъ, но сильнаго духомъ человѣка, съумѣвшаго не только заполнить пробѣлы недоконченнаго элементарнаго обученія, но и пріобрѣсти широкое философское и литературное образованіе. Эти спокойные, трудовые и счастливые годы вооружили нашего мыслителя для его уже приближающейся всемірной дѣятельности.

Эта идиллія Шамбери и Шарметтъ прекратилась весною 1740 года, когда Жанъ-Жаку было двадцать восемь, а его увлекающейся Франсуазѣ—всѣхъ сорокъ. Я уже упомянулъ, что Руссо разнообразилъ свою жизнь маленькими путешествіями. Состояніе его здоровья побудило его и весною 1740 г. предпринять путешествіе въ Безансонъ съ цѣлью посовѣтоваться съ извѣстнымъ врачемъ. Отсутствіе длилось дольше, нежели первоначально предполагалось, а когда Руссо возвратился, онъ нашелъ, что въ сердцѣ нѣжной подруги мѣсто его занялъ другой. Вѣрная своему великодушному воззрѣнію на любовь, Варансъ предлагала ему остаться на прежнемъ положеніи, но Руссо отказался и вскорѣ переселился въ Ліонъ, гдѣ имѣлъ, какъ упомянуто, интеллигентныхъ друзей, уже многаго ожидавшихъ отъ него. При ихъ помощи онъ скоро устроился домашнимъ учителемъ у аббата Мабли, старшаго брата извѣстнаго писателя, идеи котораго были родственны идеямъ Руссо. Около года пробылъ Жанъ-Жакъ въ семействѣ Мабли, доканчивая свое образованіе и мало по малу заводя литературныя знакомства. Нѣкоторые литературные опыты, впослѣдствіи напечатанные, были написаны въ это время. Мабли-писатель и Кондильякъ познакомились съ нимъ въ это время. Продолжая съ увлеченіемъ заниматься музыкой, Руссо натолкнулся на идею новой системы обозначенія нотъ. Много и долго поработавъ надъ этой идеей, ему удалось создать систему, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣвшую преимущества передъ принятой. Поглощенный этой идеей, увлекающійся Жанъ-Жакъ строилъ воздушные замки. Надо было отправиться въ Парижъ и представить свое изобрѣтеніе въ академію. Заработанное у Мабли жалованье и вырученное отъ продажи книгъ составили тотъ небольшой капиталъ, съ которымъ нашъ двадцатидевятилѣтній Жанъ-Жакъ направился въ столицу міра. Отнынѣ онъ «утлый свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля!»

Это было весною 1741 года. Руссо здѣсь ставитъ точку своей молодости и заканчиваетъ первую часть своихъ «Confessions». Мы дополнимъ эту главу однако краткими свѣдѣніями о ближайшихъ годахъ его жизни въ Парижѣ до начала его всемірной литературной дѣятельности. Прибывъ въ Парижъ, Руссо, при помощи своихъліонскихъ друзей, сразу вошелъ въ кругъ высшей интеллигенціи и былъ принятъ въ салоны. Онъ имѣлъ успѣхъ и его нотная система заставляла много говорить о себѣ. Нѣкоторыя его музыкальныя пьесы тоже обращали вниманіе. Дидро пригласилъ его участвовать въ «*Энциклопедіи*», и Руссо составилъ нѣсколько статеекъ по музыкѣ, но ихъ конечно нельзя было считать его литературнымъ дебютомъ, какъ и шутливыхъ комедій, имъ сочиненныхъ въ это время. Академія однако разсмотрѣла его нотную систему. Отзывъ былъ самый лестный, система признана остроумной и удобной, но недостаточной для того, чтобы переучиваться и переучивать весь міръ. Къ тому же опытные музыканты находили, что читать ноты по этой системѣ труднѣе. Упованія Руссо еще разъ не осуществились. Кое какъ перебиваясь перепиской нотъ, музыкой, мелкимъ литературнымъ трудомъ, Руссо продолжалъ расширять свои литературныя связи. Кромѣ Дидро, Мабли и Кондильяка, уже упомянутыхъ, Гриммъ, Даламберъ, Гольбахъ, Гельвецій знакомились съ симпатичнымъ, талантливымъ молодымъ человѣкомъ, покуда еще не опредѣлившимъ своего призванія и упорно стремившимся пробиться въ качествѣ музыканта и композитора. Это не удалось, и Жанъ-Жакъ принялъ въ 1743 году предложенную ему должность секретаря французскаго посольства въ Венеціи.

Эпизодъ дипломатической службы продолжался около года. Руссо выказалъ недюжинныя способности на дипломатическомъ поприщѣ и заслужилъ уваженіе венеціанцевъ и любовь проживавшихъ въ Венеціи французовъ. Однако ссора съ надменнымъ посланникомъ заставила Руссо вернуться въ 1744 г. въ Парижъ, гдѣ вскорѣ онъ получилъ мѣсто у барона Де-Франкейль, по финансовому вѣдомству. Онъ продолжалъ заниматься музыкой и сочинялъ мелкія театральныя пьески; нѣкоторыя изъ нихъ давались и заслужили успѣхъ. Но конечно не здѣсь было призваніе ихъ автора, какъ и не въ музыкѣ. Въ это же время Руссо сблизился

съ дѣвицей Терезою Левассеръ, на которой впослѣдствіи женился. Въ 1750 году вышли его первыя политико-философскія сочиненія. Предварительный подготовительный періодъ завершился, и Жанъ-Жакъ Руссо быстро и со свойственной ему страстностью посвятилъ себя дѣлу, которое обезсмертило его имя, но ему самому принесло столько огорченій и бѣдствій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Литературная дѣятельность.

Пробужденіе литературнаго призванія.—Диссертація о вліяніи наукъ на нравы.—Красота изложенія и глубина содержанія.—Громадное впечатлѣніе.—Полемика.—Диссертація о причинахъ неравенства.—Правда и заблужденія этого замѣчательнаго произведенія.—Его значеніе.—Полемика.—Письмо къ Даламберу.—«Новая Элоиза».—Неслыханный успѣхъ.—Несравненный авторитетъ Руссо.—«Общественный Договоръ»—Историческое значеніе этого послѣдняго параграфа политической философіи Руссо.—«Эмиль».—Впечатлѣніе на современниковъ.—Гоненія.—Другія литературныя произведенія.—Итоги.

Еще въ бытность въ Венеціи Руссо натолкнулся на мысль написать сочиненіе о недостаткахъ современной общественной организаціи. Тираннія венеціанской олигархіи уживалась съ республиканской формой правленія, какъ нищета и угнетеніе французскаго крестьянина гордыми феодалами—съ блескомъ монархіи Бурбоновъ. Руссо начиналъ думать, что причина зла лежитъ глубже этихъ формъ, о которыхъ спорили политики и философы его времени. Сочиненія этого Руссо не написалъ, но задача была осуществлена въ трехъ его важнѣйшихъ политико-философскихъ трактатахъ: «О вліяніи наукъ на нравы», «О причинахъ неравенства» и «Общественный договоръ». Такимъ образомъ съ 1744 года идеи, обезсмертившія Руссо, уже бродили въ его головѣ. Натура болѣе эмоціональная, нежели интеллектуальная, Руссо нуждался въ такомъ возбужденіи его чувства и его фантазіи, которое бы отлило въ художественную картину его идеи,

облекло бы ихъ плотью, трепещущей высокимъ чувствомъ любви, негодованія, самоотверженія... Идеи уже складывались въ головѣ, чувства уже горѣли въ сердцѣ, яблоко уже созрѣло. Нужно было встряхнуть чудно одаренное дерево, чтобы плоды въ изобиліи сразу посыпались на землю, давно алчущую этихъ свѣжихъ, еще неизвѣданныхъ плодовъ.

Весною 1749 года за выпускъ книги «Письма о слѣпыхъ» Дидро былъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму. Его просвѣщенные друзья изъ аристократіи скоро добились смягченія его заключенія. Дидро былъ переведенъ въ Венсенскій замокъ, гдѣ ему было разрѣшено принимать друзей. Руссо изъ первыхъ посѣтилъ къ заключенному другу и сталъ часто посѣщать его. Однимъ знойнымъ лѣтнимъ днемъ шелъ Руссо изъ Парижа въ Венсенъ (около двухъ миль ходьбы по шоссе). Впрочемъ предоставимъ лучше слово самому Руссо Пусть онъ самъ разскажетъ намъ эту чудесную страничку о пробужденіи дремавшаго генія. Въ письмѣ къ Малербу (отъ 12 янв. 1762 г.) онъ описываетъ этотъ знаменательный эпизодъ своей жизни и всемірной литературы слѣдующимъ образомъ:

«Я хотѣлъ бы нарисовать вамъ, м. г., эту минуту, составившую эпоху въ моей жизни и запечатлѣвшуюся съ неизгладимой силой въ моей душѣ, хотя бы ей предстояло жить и чувствовать вѣчно. Я шелъ къ Дидро, тогда узнику въ Венсенѣ. Я захватилъ съ собою номеръ «Mercure de France» [1]) и пересматривалъ его дорогой. Глаза мои скользили по столбцамъ газеты и вдругъ остановились на темѣ, предложенной Дижонской академіей для соисканія преміи [2]). Если когда либо міръ видѣлъ внезапное наитіе, то это было душевное движеніе, меня охватившее въ эту минуту. Въ моемъ умѣ какъ-бы сразу сверкнулъ свѣтъ, все озарившій. Масса идей яркихъ и живыхъ представилась мнѣ вдругъ съ такой силой и въ такомъ количествѣ, что смущеніе и трепетъ охватили мою душу. Я какъ бы опьянѣлъ отъ наплыва мысли и чувства. Сердце усиленно билось, сдавливая

---

[1]) Газета, издававшаяся тогда аббатомъ Рейналемъ.

[2]) Тема «Распространеніе наукъ и искусствъ улучшило или испортило нравы людей?»

грудь, стѣсняя дыханіе... Я опустился на траву подъ деревомъ у дороги и просидѣлъ здѣсь, охваченный такимъ волненіемъ, что черезъ полчаса, поднимаясь продолжать путь, я увидѣлъ весь передъ моей одежды смоченный слезами, безсознательно лившимися изъ глазъ. О, м. г., еслибы я былъ въ состояніи перенести на бумагу хотя четверть того, что́ я увидѣлъ, передумалъ и перечувствовалъ подъ этимъ деревомъ, съ какой ясностью я заставилъ бы всѣхъ понять противорѣчія нашей общественной организаціи, съ какой бы силой я выставилъ всѣ бѣды и неправды нашихъ учрежденій, съ какой очевидностью и простотой далъ бы почувствовать, что человѣкъ—по природѣ доброе и хорошее существо, и что единственно его собственныя учрежденія дѣлаютъ его злымъ и дурнымъ! Все, что́ я могъ удержать въ памяти изъ этой массы великихъ истинъ, озарившихъ меня втеченіи четверти часа подъ этимъ деревомъ, я помѣстилъ въ трехъ главныхъ моихъ сочиненіяхъ, именно: въ моей первой диссертаціи, въ диссертаціи о неравенствѣ и въ книгѣ о воспитаніи. Эти три работы тѣсно связаны и вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое.»

По природѣ болѣе художникъ, нежели мыслитель, Руссо постигалъ истину болѣе процессомъ творческаго художественнаго представленія, нежели логическимъ мышленіемъ. Выше набросанная картина снизошедшаго на него откровенія является прекрасной иллюстраціей тонко-художественнаго мышленія и могла бы служить чудеснымъ введеніемъ въ исторію многихъ религій, не Конфуція конечно, но напримѣръ Будды или Магомета. «Мои чувства,—говоритъ Руссо въ своихъ «Confessions»,—мои чувства развивались и возвышались, слѣдуя за идеями. Всѣ мои маленькія страсти исчезли въ волнахъ этого энтузіазма передъ истиной, свободой, доблестью.» Руссо прибавляетъ, что этотъ энтузіазмъ не покидалъ его и втеченіи послѣдующихъ лѣтъ. Такъ проснулся геній Руссо, обрѣлъ свою истинную дорогу и сталъ отнынѣ факторомъ всемірной исторіи. Подъ памятнымъ деревомъ на Венсенскомъ шоссе, въ знойный лѣтній день 1749 года, карандашемъ набросалъ Руссо свои творческія видѣнія. Часть ихъ онъ обратилъ въ диссертацію о вліяніи наукъ и искусствъ на нравы. Дижонская академія увѣнчала диссертацію преміей и выпустила ее въ свѣтъ.

Громадный успѣхъ книги, несравненное впечатлѣніе ея на умы, живая полемика, ею поднятая, только окончательно укрѣпили Руссо на его новой дорогѣ и только болѣе возбуждали его энтузіазмъ къ открытой имъ истинѣ. Ея апостоломъ онъ остался всю послѣдующую жизнь; за нее онъ принялъ гоненія и проклятія; перенесъ много горя и тяжелыхъ испытаній; ее же онъ завѣщалъ своимъ пламеннымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Основной нервъ этой «истины» сжато и точно формулированъ самимъ Руссо въ выше приведенномъ отрывкѣ письма къ Малербу: *люди по природѣ добры, но людскія учрежденія дѣлаютъ ихъ злыми*; добродѣтель—это естественное состояніе человѣка, порокъ и преступленіе—это порожденіе неправыхъ учрежденій, принесенныхъ цивилизаціей; поэтому первобытное естественное состояніе является состояніемъ справедливымъ и благимъ, а цивилизація есть главный источникъ зла, порока и несчастія. Такъ рѣзко формулировалъ свои идеи Руссо уже въ первыхъ двухъ своихъ значительныхъ работахъ, въ диссертаціяхъ: *о вліяніи наукъ* и *о неравенствѣ*, вышедшихъ въ промежутокъ 1750 до 1754 годовъ и дополненныхъ цѣлымъ рядомъ полемическихъ отвѣтовъ критикамъ ервой диссертаціи. Остановимся немного на этой первой диссерціи, зачатіе которой мы уже знаемъ.

Сущность диссертаціи можно проконспектировать въ слѣдующихъ немногосложныхъ строкахъ: Дижонская академія спрашиваетъ: «науки и искусства содѣйствовали-ли улучшенію или порчѣ нравовъ?» Нельзя умѣстнѣе и важнѣе поставить вопросъ, съ которымъ связаны судьбы человѣчества, его счастье, добродѣтель, достоинство. Если мы обратимся къ временамъ, когда науки и искусства еще не успѣли повліять на нравы, что видимъ мы въ этомъ естественномъ состояніи? Тогда люди были грубы, но искренни и правдивы. Различія диктовались природой. Теперь же все опредѣляется общественнымъ положеніемъ. Столкновеніе интересовъ уничтожило первобытную правдивость. Требованія общежитія все прикрыли лицемѣрной деликатностью. Люди перестали быть самими собою, стали обманчивы. Родилось взаимное недовѣріе, тайная вражда, клевета, разные пороки и преступленія. Растлѣніе нравовъ есть удѣлъ цивилизованнаго общества. Сравненіе состоянія естественнаго и состоянія цивилизованнаго (policé,

какъ тогда принято было выражаться) обнаруживаетъ такимъ образомъ контрасты не въ пользу послѣдняго.

Въ чемъ же причина этой перемѣны? Исторія обнаруживаетъ постоянную связь между упадкомъ нравовъ и развитіемъ просвѣщенія. Египетъ, Греція, Римъ призываются авторомъ въ свидѣтели этой связи. «Государства и ихъ законы,—пишетъ Руссо,—обезпечиваютъ безопасность и благосостояніе людей, соединившихся подъ ихъ властью. Науки же, литература и искусство, менѣе деспотическія, но болѣе могущественныя, украшаютъ гирляндами цвѣтовъ цѣпи, наложенныя на человѣка; заглушаютъ чувство свободы, для которой онъ рожденъ природой; заставляютъ его любить рабство и создаютъ существа, называемыя цивилизованнымъ человѣкомъ. Необходимость породила власть; науки и искусства ее утвердили.» Китай, гдѣ наука такъ высоко цѣнится, есть клоака порока. Израиль никогда не зналъ науки. Спаситель довѣрилъ дѣло свое не ученымъ, а рыбакамъ и простолюдинамъ. «Главный источникъ зла, — пишетъ Руссо въ отвѣтъ польскому королю Станиславу Понятовскому, выступившему съ критикой его диссертаціи,—главный источникъ зла есть неравенство. Изъ неравенства возникаютъ богатства... Изъ богатствъ родится роскошь и праздность. Искусства же порождаются роскошью, а науки—праздностью.» Такимъ образомъ, строго говоря, Руссо считалъ просвѣщеніе факторомъ производнымъ, какъ и пороки и порчу нравовъ. «Вотъ путь, — говоритъ онъ въ концѣ первой части своей диссертаціи,—вотъ путь, по которому роскошь, разложеніе нравовъ и рабство являлись всегда и всюду карою за горделивое стремленіе выйти изъ состоянія счастливаго невѣдѣнія, въ которое насъ поставила предвѣчная мудрость.» Эту идею, что основная причина зла—въ неравенствѣ, возникшемъ между людьми, Руссо повторяетъ нѣсколько разъ въ своей диссертаціи, но самая тема диссертаціи заставляла его сосредоточиваться на вліяніи просвѣщенія, которое онъ самъ не однажды называлъ такимъ же послѣдствіемъ неравенства, какъ и роскошь, и порчу нравовъ. Разграничить однако эту взаимную зависимость просвѣщенія и упадка нравовъ, какъ двухъ плодовъ того же процесса дифференцованія общества, отъ зависимости, въ которой просвѣщеніе являлось бы причиной, а упадокъ—послѣдствіемъ, провести такое

*

разграниченіе никогда вполнѣ не удалось Руссо. Понимая ясно, что коренная причина — въ дифференцованіи общества, Руссо оставлялъ всегда весьма широкое значеніе въ порчѣ нравовъ и для самаго просвѣщенія. И притомъ значеніе это онъ понималъ обыкновенно, какъ непосредственное вліяніе науки и искусства. Иногда однако онъ ясно видѣлъ нѣкоторыя звенья, соединяющія оба явленія. «Другія, худшія послѣдствія порождаютъ искусства и науки,—пишетъ Руссо во второй части анализируемой диссертаціи,— такова—роскошь, порожденная, подобно имъ, праздностью и тщеславіемъ. Роскошь рѣдко развивается безъ науки и искусствъ, а искусства и науки никогда не развиваются безъ нея. Я зналъ, что наша философія, всегда изобрѣтательная по части оригинальныхъ сужденій, утверждаетъ, вопреки опыту всѣхъ временъ и народовъ, будто роскошь составляетъ благо государствъ. Но даже пренебрегая всюду сознанной необходимостью законовъ противъ роскоши, рѣшится ли кто-нибудь отрицать необходимость нравственности для прочности государствъ или несовмѣстимость роскоши и нравственности? Пускай роскошь служитъ мѣриломъ богатства! Пускай даже она содѣйствуетъ его росту! Что же слѣдуетъ изъ этого парадокса, столь характернаго для нашего времени? И что станется съ добродѣтелью, если должно будетъ искать обогащенія какой бы то ни было цѣной? Прежде политики говорили о добродѣтели и нравственности. Нынѣ они говорятъ о торговлѣ и богатствѣ... Если имъ вѣрить, человѣкъ цѣнится государствомъ въ цѣну его потребленія. Такимъ образомъ сибаритъ стоитъ тридцати лакедемонянъ! Пусть вспомнятъ однако, которая изъ этихъ двухъ республикъ, Сибарисъ или Спарта, погибла подъ ударами горсти возставшихъ крестьянъ и которая привела въ трепетъ Азію!.. Небольшое племя горцевъ, ничего не имѣвшихъ, кромѣ нѣсколькихъ бараньихъ шкуръ, возстали противъ власти Австріи и одолѣли эту богатую и могущественную фамилію Бургундіи (Габсбурговъ), которая заставляла дрожать передъ собой властелиновъ Европы! Наконецъ, все могущество наслѣдника Карла V, поддерживаемаго всѣми сокровищами Индіи, разбилось о сопротивленіе горсти бѣдныхъ рыбаковъ, промышлявшихъ селедкой! Пусть наши политики на время оставятъ свои счеты и вычисленія, чтобы поразмыслить надъ этими примѣрами, и пусть они запомнятъ

разъ на всегда, что можно все пріобрѣсти при помощи денегъ, кромѣ нравственности и гражданъ.» Немного далѣе Руссо продолжаетъ эту мысль: «мы имѣемъ физиковъ, математиковъ, химиковъ, астрономовъ, поэтовъ, музыкантовъ, живописцевъ. Мы не имѣемъ гражданъ. А если ихъ осталось еще, разсѣянныхъ по нашимъ заброшеннымъ деревнямъ, то они тамъ гибнутъ въ нуждѣ и презрѣніи. Потому что именно въ нуждѣ, именно въ презрѣніи находятся у насъ тѣ, кто даетъ намъ хлѣбъ, кто кормитъ молокомъ нашихъ дѣтей».

По небольшимъ цитатамъ, мною приведеннымъ, можно судить о силѣ этой страстной критики современнаго общества. Ничего подобнаго не было высказываемо до Руссо и никогда съ такой силой краснорѣчія. Руссо принадлежитъ къ лучшимъ французскимъ стилистамъ и притомъ совершенно оригинальнымъ. Не тонкій сарказмъ Вольтера, не академическая рѣчь Монтескьё, не вдумчивая логика Дидро плѣняли въ изложеніи Руссо, а то, что̀ французы называютъ le sublime. Это чувство *высокаго* проникаетъ всю рѣчь Руссо, облеченную вдобавокъ всегда въ изящную форму, тонко и внимательно обработанную. Эта возвышенная красота изложенія была первой причиной замѣчательнаго успѣха книги, вышедшей въ эпоху утонченнаго литературнаго вкуса. Диллетанты литературы восхищались талантомъ автора; молодое поколѣніе, измученное унизительнымъ упадкомъ Франціи при Людовикѣ XV,— упадкомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, прислушивалось къ святая святыхъ откровеній пламеннаго автора. Страстная критика тогдашняго общественнаго строя была сдѣлана авторомъ во имя прошедшаго. Другіе сами могли то же повторить во имя будущаго. И не въ апологіи природнаго состоянія, а въ протестѣ противъ современнаго состоянія скрывалось могучее вліяніе новыхъ идей на умы. Неравенство, роскошь, рабство выставлялись, какъ бѣдствія современнаго состоянія; равенство, простота, свобода— какъ блага прошедшаго. Руссо не говорилъ, что они должны стать вмѣстѣ съ тѣмъ идеалами будущаго. За него досказали это его читатели.

Эскизъ, набросанный въ диссертаціи о вліяніи наукъ на нравы, обращенъ въ картину въ диссертаціи о происхожденіи неравенства между людьми. Основная идея та же самая, но развита она съ

большей силой и подробностью. «Я различаю,—говоритъ онъ,—два вида неравенства между людьми: *естественное* или физическое неравенство возраста, здоровья, силы, ума, и другое—*искусственное*, которое можно назвать политическимъ или моральнымъ, такъ какъ оно зависитъ отъ своего рода договора или по меньшей мѣрѣ отъ согласія людей. Это послѣднее состоитъ въ различныхъ привилегіяхъ, которыми одни люди владѣютъ въ ущербъ другимъ; таковы—богатство, знатность, власть. Нельзя спрашивать о причинѣ неравенства естественнаго, потому что отвѣтъ заключается въ самомъ опредѣленіи. Еще менѣе того можно искать взаимной связи между обоими видами неравенства. Потому что это значило бы допускать, что повелѣвающіе всегда достойнѣе повинующихся, или что физическая сила, умъ, добродѣтель и мудрость заключены въ людяхъ пропорціально ихъ богатству и ихъ власти?! Такой вопросъ рабы могутъ обсуждать, когда надѣются, что господа ихъ услышатъ. Ему нѣтъ мѣста въ бесѣдѣ людей разумныхъ и свободныхъ, ищущихъ истины.» Такой независимый и сильный языкъ не могъ не имѣть чарующаго вліянія на общество, привыкшее къ полусловамъ и осторожнымъ, скорѣе иносказательнымъ выраженіямъ.

Мы не будемъ излагать его второй диссертаціи, но отмѣтимъ нѣкоторыя идеи, обнаружившія замѣчательную философскую проницательность въ этомъ художникѣ и проповѣдникѣ. «Не умножая эти примѣры, — говоритъ Руссо въ концѣ первой части, посвященной изслѣдованію естественнаго состоянія,—мы можемъ уже съ совершенной ясностью видѣть, что узы рабства могутъ возникнуть только изъ взаимной зависимости людей, изъ общихъ потребностей, ихъ соединяющихъ, и что слѣдовательно невозможно поработить человѣка иначе, какъ поставивъ его въ положеніе, въ которомъ онъ уже не можетъ обходиться безъ другихъ.» Это замѣчательно глубокая идея, все значеніе которой можно оцѣнить только при современномъ состояніи соціологическаго знанія. Мы уже видѣли, что, приписывая порчу нравовъ просвѣщенію, Руссо искалъ причину этого въ роскоши и праздности, а причину роскоши и праздности—въ неравенствѣ... Далѣе онъ не шелъ въ своемъ анализѣ. Только-что приведенная цитата дѣлаетъ еще одинъ шагъ, ищетъ причину самаго неравенства и находитъ ее въ соеди-

неніи людей въ организованное общество. *Организованность* общества является такимъ образомъ основной причиной. Руссо нѣсколько разъ останавливался на этой мысли, но повидимому самъ не оцѣнилъ всего ея значенія. Читатели пошли дальше. Одни отвергнули по возможности всякую организацію и постарались въ революціяхъ американской и французской освободить общество отъ всякихъ формъ быта. Другіе же нашли необходимымъ предложить иную организацію. Тѣ и другіе исходили изъ этой идеи Руссо, слишкомъ бѣгло набросанной, чтобы не породить столь различныхъ толкованій и выводовъ.

Въ сущности и во второй диссертаціи Руссо держится мнѣнія, что основная причина неустройствъ общественныхъ заключается въ неравенствѣ. Вся вторая часть диссертаціи посвящена изслѣдованію постепеннаго развитія неравенства. Она начинается фразой, цитируемой всѣми историками литературы: «Тотъ—первый человѣкъ, который огородилъ участокъ земли и сказалъ: *это мое*, и нашелъ людей, достаточно недальновидныхъ, чтобы ему повѣрить, и былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества.» Теперь мы знаемъ, что дѣло было совсѣмъ не такъ, что гражданское общество возникло задолго до частной поземельной собственности и что даже во времена Руссо большинство человѣчества, жившаго уже въ гражданскомъ обществѣ, еще не знало этой собственности. На такихъ же гипотезахъ основаны и многіе остальные его доводы, по которымъ онъ строитъ исторію первыхъ шаговъ человѣчества. Важнѣе этихъ ошибокъ и невѣрныхъ гипотезъ было то, что не отъ нихъ логически и морально зависѣли главнѣйшія идеи Руссо. Тѣ или другія черты носилъ первобытный человѣкъ, такъ или иначе возникло неравенство, это мало вліяло на доказательность идеи, что современнаго человѣка портятъ современныя учрежденія, что равенство и свобода—естественное состояніе человѣка и что во всемъ тогдашнемъ строѣ нельзя найти ничего, что было бы достойно похвалы или сохраненія. Для современнаго Жанъ-Жаку человѣчества это было важнѣйшее. Для потомства же остались серьезнымъ завѣщаніемъ рядъ блестящихъ сопоставленій связи между различными факторами общественной жизни,—связи между цивилизаціей общества и вырожденіемъ человѣка.

Диссертаціи и полемика, ими возбужденная, заняли около семи лѣтъ литературной дѣятельности. Развивая по частямъ идеи, въ ихъ цѣломъ выраженныя въ уже разобранныхъ нами двухъ диссертаціяхъ, Руссо въ это время издалъ еще двѣ диссертаціи: *О добродѣтеляхъ, необходимыхъ герою*, и *О политической экономіи*. Отбиваясь отъ многочисленныхъ нападокъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ отъ защитниковъ просвѣщенія, онъ издалъ отвѣты Рейналю (редактору газеты «Mercure de France»), аббату Готье, польскому королю Станиславу Понятовскому, анонимному академику и многимъ другимъ. Если принять во вниманіе, что эти литературныя работы не давали автору средствъ къ жизни, что Руссо, ради независимости и послѣдовательности, отказался отъ службы и что для содержанія себя и семьи онъ добывалъ средства перепиской нотъ, отнимавшей у него массу времени, то нельзя не признать этотъ первый періодъ его литературной дѣятельности плодовитымъ въ высшей степени. Ближайшіе затѣмъ годы были еще плодовитѣе.

Открытое письмо къ Даламберу о театральныхъ представленіяхъ отмѣтило собой новый значительный шагъ въ литературной карьерѣ Руссо. Это искусное полемическое произведеніе было направлено противъ проэкта устроить театръ въ Женевѣ, гдѣ строгій кальвинизмъ не разрѣшалъ этого излюбленнаго развлеченія европейскаго праздная общества. Руссо возсталъ противъ нововведенія въ его родномъ городѣ. Нападеніе это было косвенно направлено противъ Вольтера, который былъ сторонникомъ новаго проэкта (въ это время онъ уже поселился около Женевы) и который считался современниками величайшимъ драматургомъ. Онъ самъ склоненъ былъ раздѣлять это мнѣніе и страстное обличеніе театра не могъ не принять чуть-ли не за личное оскорбленіе. Это былъ смѣлый вызовъ господствующей страсти образованнаго общества и самымъ вліятельнымъ и авторитетнымъ его представителямъ и руководителямъ. Къ тому же къ этому новому краснорѣчивому обличенію язвъ цивилизаціи нельзя было примѣнить знаменитаго сарказма Вольтера по поводу диссертаціи о причинахъ неравенства. «Никогда не было потрачено столько искусства,— писалъ Вольтеръ,—на то, чтобы насъ всѣхъ сдѣлать дураками. Прочитавъ это сочиненіе, хочется ходить на четверенькахъ. Но

такъ какъ я утратилъ эту привычку болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, то...» и т. д. Отдѣлаться этимъ остроуміемъ было теперь невозможно. Рядомъ съ испорченностью цивилизованной жизни Руссо рисовалъ обаятельную картину строгихъ и простыхъ нравовъ республиканской демократіи. Эти страницы воспламеняли не одно поколѣніе республиканцевъ Америки, Франціи и другихъ странъ Западной Европы. «Ужъ не поступилъ-ли Жанъ-Жакъ въ отцы церкви?»—спрашивалъ Вольтеръ по поводу его новаго произведенія. Церковь осуждала театръ, но ея прелаты еще болѣе того осуждали Руссо. «Онъ нашелъ нѣсколько старыхъ досокъ Діогеновой бочки,—прибавлялъ взбѣшенный философъ-драматургъ,—и въ нихъ устроился, чтобы лаять на своихъ бывшихъ единомышленниковъ.» Въ другомъ мѣстѣ Вольтеръ негодуетъ на Руссо за то, что тотъ «задумалъ образовать свою собственную партію». Онъ ее и успѣлъ образовать. Популярность его росла съ поразительной быстротой. Выходъ «Новой Элоизы» доставилъ ему положительно славу, а выходъ «Эмиля» прибавилъ то могущество надъ умами современниковъ, о которомъ съ такимъ удивленіемъ намъ разсказываютъ Юмъ, Гриммъ и другіе иностранцы, посѣтившіе Францію въ эту эпоху.

Сюжетъ «*Новой Элоизы*» простъ и несложенъ; содержаніе же глубоко и многосторонне. До сихъ поръ въ своихъ работахъ Руссо не касался вопроса любви и брака. Это былъ крупный пробѣлъ. Новый романъ долженъ былъ его пополнить. Контрастъ между благомъ и счастьемъ естественнаго простого чувства, связывающаго мужчину и женщину въ счастливую семью, и тѣми горестями, несчастіями и преступленіями, которыя несетъ съ собой это же самое благое и свѣтлое чувство, обставленное условіями цивилизованнаго быта,—составляетъ основную тему романа. Сенъ-Пре, образованный, во всѣхъ отношеніяхъ благородный молодой человѣкъ, но бѣдный и незнатный, даетъ уроки Юліи, знатной и богатой дѣвушкѣ, которую увлекающійся авторъ надѣляетъ всѣми возможными достоинствами. Молодые люди полюбили другъ друга. Постепенному зарожденію, развитію и наконецъ обнаруженію этого чувства посвящена первая часть романа. Самой высокой поэзіей окружаетъ Руссо это чистое и свѣтлое чувство, и читатель, кажется, увлекается героями вмѣстѣ съ ними и съ авторомъ. Воля

отца Юліи, гордаго и знатнаго аристократа, становится помѣхой счастья героя. Отецъ, по своему, честный и благородный человѣкъ, но по своему положенію онъ не можетъ погубить свою любимую дочь согласіемъ на неравный бракъ. Сенъ-Пре удаляется и ищетъ забвенія въ кругосвѣтномъ путешествіи. Юлія выходитъ замужъ за Вольмара, по знатности и состоянію достойнаго ея руки. Вольмаръ ее горячо любитъ и является во всѣхъ отношеніяхъ рыцаремъ безъ страха и упрека. Любовь и благородство мужа, затѣмъ дѣти, наконецъ природа и деревня нѣсколько примиряютъ молодую женщину съ ея участью. Проходятъ однако годы и Сенъ-Пре возвращается. Вольмаръ самъ вводитъ его въ свой домъ. Юлія и Сенъ-Пре сначала пытаются основать свои отношенія на близкой дружбѣ, но никогда не умиравшее чувство просыпается съ новой силой. Цѣлый рядъ драматическихъ положеній приводитъ Юлію къ рѣшимости принести въ жертву единственному истинному чувству ея жизни свою семью, но въ послѣднюю минуту, наоборотъ, она семьѣ приноситъ въ жертву свое чувство... цѣной однако жизни. Она умираетъ съ растерзаннымъ и разбитымъ сердцемъ, дѣлая несчастными всѣхъ близкихъ и любимыхъ людей, любимаго человѣка, дѣтей, мужа... Всѣ дѣйствующія лица—честные, добрые, благородные люди. Всѣ искренно любятъ и уважаютъ другъ друга. Всѣ исполнены наилучшихъ намѣреній и поступаютъ подъ вліяніемъ наилучшихъ побужденій. И однако эти общія усилія любви и благородства приносятъ горе и несчастье, чуть-чуть не приносятъ позора и преступленія! Причина— въ условіяхъ цивилизованнаго быта, извращающаго и искажающаго естественное развитіе простого и чистаго чувства. Такова основная идея «*Новой Элоизы*», явившаяся новымъ краснорѣчивымъ параграфомъ общественной философіи Руссо.

«*Новая Элоиза*» уже не могла быть напечатана во Франціи. Контрасты достойной и скромной жизни свободныхъ швейцарцевъ съ ужасами тогдашней сельской жизни во Франціи были слишкомъ ярко изображены въ романѣ и слишкомъ волновали сердца читателей. Съ другой стороны Руссо вложилъ въ уста Юліи фразу: «я скорѣе соглашусь быть женой чернорабочаго, нежели любовницей короля». Это было очень добродѣтельно, но французскіе короли всегда имѣли могущественныхъ и вліятельныхъ любовницъ.

Романъ былъ напечатанъ въ Амстердамѣ, но прочитанъ былъ всей грамотной Франціей и произвелъ громадное впечатлѣніе. По его выходѣ онъ былъ расхватанъ мгновенно. За оставшіеся экземпляры книгопродавцы взимали плату по часамъ. Одна аристократка, начавъ перелистовывать романъ въ то время, какъ уже совсѣмъ готовая собиралась ѣхать на балъ, все отсрочивала отъѣздъ, пока не пропустила всѣ сроки и дочитала романъ въ постели. Дамы писали письма автору, увлекались имъ, не зная его; искали свиданія. Ничего подобнаго этому увлеченію не знала французская литература. Злобные сарказмы Вольтера и вольтерьянцевъ только рѣзче оттѣняли это увлеченіе, доводя его до энтузіазма. Надо вспомнить, какова была беллетристическая литература того времени, чтобы понять этотъ энтузіазмъ. Оставляя въ сторонѣ устарѣлые и надоѣвшіе полусказочные рыцарскіе романы, тогдашняя литература предлагала или скучныя нравоучительныя, или грязно-эротическія, или изящныя, проникнутыя скептицизмомъ, блещущія умомъ, но мало говорящія сердцу произведенія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ были истинные шедѣвры, вродѣ вольтеровскаго «*Кандида*». Они отвѣчали и умственной жаждѣ, и эстетическому вкусу образованнаго общества. Они не отвѣчали потребности вѣрить въ добро и правду, потребности дѣятельной любви. Романъ Руссо отвѣчалъ этимъ потребностямъ. Онъ обличалъ зло цивилизаціи, но онъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ говорилъ о любви, доблести, патріотизмѣ, долгѣ, самоотверженіи, объ этихъ забытыхъ или осмѣянныхъ словахъ. Онъ проложилъ себѣ дорогу прямо къ сердцу всѣхъ лучшихъ людей своего времени и оставилъ по себѣ чарующее впечатлѣніе. Ни одно произведеніе ни одного современнаго ему автора не имѣло такого значенія и вліянія. Только «Эмиль» того же Руссо превзошелъ «Новую Элоизу» въ этомъ отношеніи. Раньше «Эмиля» однако Руссо выпустилъ «Общественный договоръ», менѣе взволновавшій современниковъ, но сильнѣе всего отразившійся на идеяхъ и жизни многихъ послѣдующихъ поколѣній.

«Общественный договоръ» заключаетъ въ себѣ теорію происхожденія и развитія гражданскаго общества. Метафизическое построеніе это и тогда поддавалось критикѣ. Теперь же конечно отъ него не осталось-бы и камня на камнѣ, если-бы все значе-

ніе этой небольшой, но могущественной книги исчерпывалось этой теоріей, этой попыткой объяснить исторію гражданскаго общества. Она заключаетъ однако также попытку обосновать начала гражданскаго общества, его идеалы, его правовые принципы. «Люди рождаются свободными, равными и непорочными» — это основная идея книги. Свобода и равенство являются «естественнымъ состояніемъ» человѣка, но потому то они представляются и его «естественнымъ правомъ». Нѣтъ никакихъ иныхъ правъ и справедливость заключается въ признаніи только этого естественнаго права, въ отмѣнѣ всякихъ другихъ историческихъ правъ, написанныхъ въ хартіяхъ, пергаментахъ, обычаяхъ, и въ допущеніи только такихъ ограниченій естественнаго права, на которыя въ общихъ интересахъ согласились сами члены гражданскаго общества. Это и есть общественный договоръ между ними, представляющій собой единственную санкцію всѣхъ гражданскихъ учрежденій и установленій. Souveraineté du peuple, верховное право народа явилось такимъ образомъ столь же логическимъ и неизбѣжнымъ выводомъ изъ книги Руссо, какъ и неотчуждаемыя права человѣка на свободу и равенство. Самъ Руссо не довелъ до конца свои выводы и не сдѣлалъ ихъ примѣненія къ современному государству. Впослѣдствіи за него это сдѣлали дѣятели американской и французской революціи и западно-европейскіе демократы XIX вѣка. Современники, какъ уже упомянуто, менѣе обратили вниманія на это сухое резюме политической философіи Руссо. Въ Парижѣ, въ Бернѣ, въ Невшателѣ, въ Гаагѣ жгли «Эмиля», какъ преступное и злонамѣренное сочиненіе, не дѣлая этой чести «Общественному договору». Только родная Женева сожгла рукой палача «Общественный договоръ» вмѣстѣ съ «Эмилемъ», но послѣдователей своему усердію не нашла. Слѣпая и ярая ненависть враговъ Руссо направлялась болѣе противъ этого послѣдняго произведенія. Имъ же было увлечено до энтузіазма все современное просвѣщенное человѣчество. «Люди рождаются свободными, равными и непорочными»—это основное положеніе «Общественнаго договора» является и исходнымъ принципомъ «Эмиля». Только въ первомъ сочиненіи авторъ болѣе обращаетъ вниманія на первые два члена формулы, а въ «Эмилѣ»—на третій. Свобода и равенство людей занимаютъ автора «Общест-

веннаго договора»; природная непорочность, естественная добродѣтель человѣка обращаютъ на себя преимущественное вниманіе автора «Эмиля». На этомъ построена вся система воспитанія, предлагаемая этой книгой; отсюда же и страстная критика всѣхъ тѣхъ установленій, методовъ воспитанія, программъ образованія, окружающей среды, которые постепенно, но вѣрно превращаютъ естественно добродѣтельнаго ребенка въ порочнаго и злого человѣка. Католическая и протестантская церковь были одинаково глубоко задѣты этой критикой. Современное государство усмотрѣло посягательство на основы семьи и гражданскаго общества. Философы съ ужасомъ увидѣли неотразимое обаяніе этой еретической книги, не признающей благодѣтельности ихъ образованія. Трогательное единодушіе установилось между вчерашними врагами, духовной и свѣтской властью, философами и реакціонерами, республиками и монархіями, Бурбонами и Габсбургами. Всюду книга сожигалась рукой палача и всюду она получала дотолѣ невиданное распространеніе. Отовсюду долженъ былъ спасаться ея авторъ, и отовсюду, гонимый и преслѣдуемый, онъ получалъ знаки неописуемаго поклоненія. Принцы и короли обращались за указаніями проклинаемаго мыслителя въ вопросахъ воспитанія согласно «Эмилю», сжигаемому въ ихъ же владѣніяхъ рукой палача!

Временно Руссо успѣлъ основаться въ Невшателѣ, откуда обнародывалъ два самыхъ главныхъ полемическихъ сочиненія: «Письма съ Горы», болѣе направленныя противъ протестантовъ и философовъ, и «Открытое письмо къ архіепископу парижскому», имѣющее дѣло съ католической церковью. Здѣсь же, въ Невшателѣ, Руссо составилъ конституцію для Корсики, освободившейся было отъ генуэзскаго владычества, но скоро проданной генуэзцами Франціи и завоеванной французами. Изъ Невшателя-же была выпущена въ свѣтъ поэма въ прозѣ «Левитъ Ефремова колѣна», написанная на извѣстную библейскую тему о преступленіяхъ Веніаминова колѣна и его истребленіи коалиціей другихъ племенъ. Основная противоположность добродѣтельной сельской жизни колѣнъ Іуды и Ефрема и растлѣнія городской жизни Веніаминова колѣна, уже нѣсколько вкусившаго отъ плодовъ филистимской цивилизаціи,—являются и здѣсь идеей произведенія. Уже упомя-

нутыя «Письма съ Горы» вызвали новыя гоненія. Принужденный бѣжать изъ Невшателя, Руссо напрасно ищетъ убѣжища въ Бернскомъ кантонѣ, откуда его вторично изгоняютъ. Отнынѣ Швейцарія для него закрыта. Онъ пробирается въ Англію, гдѣ начинаетъ свое послѣднее большое сочиненіе «Исповѣдь». Оканчиваетъ его онъ въ Парижѣ, куда переселяется инкогнито. Одно изъ самыхъ поэтическихъ и талантливыхъ произведеній Руссо, «Исповѣдь», особенно вторая половина, носитъ на себѣ слѣды той душевной болѣзни, которая омрачала послѣдніе годы великаго мыслителя. «Прогулки» и «Жанъ-Жакъ передъ судомъ» являются продолженіемъ и дополненіемъ «Исповѣди» и хронологически послѣдними его сочиненіями. Если упомянуть еще о комментаріяхъ къ изданному подъ его редакціей проэкту вѣчнаго мира де-Сенъ-Пьера и его наставленія полякамъ по поводу замышлявшейся реформы польской конституціи, то мы перечислимъ все, имѣющее значеніе въ литературномъ творчествѣ Жанъ-Жака. Творчество это не очень обширно по числу томовъ, но мало писателей, оставившихъ такой глубокій и неизгладимый слѣдъ во всемірной литературѣ и въ исторіи человѣчества.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдній періодъ жизни Руссо.

Женитьба. — Семья и дѣти. — Измѣненіе образа жизни. — Независимость. — «Эрмитажъ». — Разрывъ съ друзьями. — Монморанси. — Бѣгство и гоненія. — Невшатель. — Англія. — Душевная болѣзнь. — Послѣдніе годы. — Смерть. — Общая характеристика. — Заключеніе.

Исторію личной жизни Руссо мы оставили выше (гл. II) приблизительно около 1750 года, — времени появленія его первой диссертаціи и начала его всемірно-историческаго поприща. Краткое обозрѣніе его дѣятельности на этомъ поприщѣ дано въ главѣ III, а теперь возвратимся къ его жизни. Я уже упомянулъ о его женитьбѣ на Терезѣ Левассеръ. Это была дѣвушка-простолюдинка

безъ всякаго образованія и очень посредственнаго ума, но съ кроткимъ и привязчивымъ сердцемъ. По ремеслу прачка, молодая и красивая дѣвушка была нерѣдко предметомъ разныхъ нескромныхъ и оскорбительныхъ шутокъ и выходокъ. Заступничество за нее со стороны Руссо отдало ему ея сердце, а затѣмъ и ее самое. Впослѣдствіи, какъ уже упомянуто, Руссо женился на Терезѣ. Она не была его Ксантипой, не отравляла своей и не портила его жизни, но за нее это охотно дѣлали ея родные, отецъ, братъ и особенно мать, поселившаяся вмѣстѣ съ дочерью у Руссо и причинявшая много напрасныхъ огорченій своему и безъ того мнительному и многострадальному зятю. Сама Тереза тоже легко поддавалась вліянію матери и вовсе не могла войти въ кругъ идей и чувствъ своего мужа. Подругой его она никогда не была и не могла быть. Эта семья принесла Жанъ-Жаку болѣе полное одиночество, нежели самая одинокая холостая жизнь. По словамъ Руссо, Тереза пять разъ имѣла дѣтей, но всѣ они будто бы были отданы въ воспитательный домъ. Руссо объ этомъ самъ разсказываетъ въ своей «*Исповѣди*», но въ той ея части, которая писана уже во время несомнѣнно душевно-болѣзненнаго его состоянія и заключаетъ въ себѣ довольно фантастическіе разсказы. Это обстоятельство возбудило сомнѣніе въ достовѣрности и этого самообличительнаго показанія. По крайней мѣрѣ герцогиня Люксембургская, по просьбѣ Руссо, съ большимъ стараніемъ разыскивала его дѣтей, но никакихъ ихъ слѣдовъ не нашла. Существовало также мнѣніе, что у Терезы могли быть дѣти, но что ея поведеніе едва-ли дозволяетъ приписывать ихъ Жанъ-Жаку. Вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ и этому самому темному пятну на памяти Руссо суждено остаться «въ сильномъ подозрѣніи»..... Этими немногими замѣчаніями мы и ограничимся по отношенію къ довольно безрадостной и неудачной семейной жизни Жанъ-Жака.

Въ 1750 году мы оставили Руссо на службѣ по финансовому вѣдомству, подъ начальствомъ барона де-Франкейля. Баронъ очень цѣнилъ его и предложилъ около этого времени значительное повышеніе, именно должность казначея въ Парижѣ, но какъ разъ въ это время въ жизни Руссо произошелъ знаменательный переломъ, и, вмѣсто повышенія по службѣ, Руссо ее совершенно оставляетъ.

Его общественно-философскія и моральныя идеи сложились окончательно, нашли первое яркое выраженіе въ диссертаціи «*О вліяніи наукъ на нравы*» и наполнили душу и сердце мыслителя энтузіазмомъ къ открытой имъ истинѣ. Эта истина осуждала современныя учрежденія, видѣла въ нихъ источникъ зла и неправды, внушала къ нимъ вражду и порицаніе: какъ же могъ послѣ этого Руссо служить въ этихъ учрежденіяхъ? Эта истина осуждала также современное общество съ его цивилизаціей, неравенствами, удовольствіями, нравами и обычаями: какъ же могъ Руссо продолжать жить жизнью этого общества? Всегда энтузіастъ въ своихъ чувствахъ, всегда послѣдовательный въ своихъ идеяхъ, всегда мало разсчетливый въ своихъ поступкахъ, Руссо рѣшилъ устроить жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ. Онъ оставилъ службу, содержалъ себя перепиской нотъ и удалился изъ свѣтскаго круга. Онъ снялъ нарядные костюмы того времени и одѣлся въ сѣрую пару грубаго сукна. Немногіе друзья составляли его общество. Всякія попытки покровительства и помощи со стороны его аристократическихъ почитателей были отклоняемы имъ иногда даже съ чрезмѣрной щепетильностью (напримѣръ, даже такія любезности, какъ присылка въ подарокъ дичи или фруктовъ). Это поведеніе производило большое впечатлѣніе и, въ связи съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ его сочиненій, дѣлало Руссо героемъ Парижа. «Бросьте вашу переписку нотъ,—говорилъ ему Гриммъ,—и продавайте лимонадъ: весь Парижъ прибѣжитъ покупать у васъ, и вы станете богачемъ». Дидро съ своей стороны не одобрялъ этого «опростѣнія» Руссо (какъ теперь назвали бы его поведеніе) и старался его уговорить «жить, какъ люди живутъ». Вольтеръ писалъ о діогеновой бочкѣ, поломанныя клепки которой Жанъ-Жакъ облюбовалъ для себя. Но эти сарказмы философовъ такъ же мало трогали его, какъ и неудовольствія Терезы и ея матери или соблазны свѣтскаго общества. Искренній и доводящій свои заключенія до послѣдняго слова, Руссо этимъ рѣзко отличается отъ новѣйшихъ «опростителей». Онъ дѣйствительно отказался и отъ хорошаго матеріальнаго положенія, и отъ комфорта, и отъ всякаго обезпеченія, кромѣ скуднаго заработка нотной перепиской. Литературные труды сначала ему ничего не давали. Доходы съ нихъ его поддерживали нѣсколько лишь впослѣдствіи, въ эпоху гоненій

и невольныхъ скитаній по бѣлу-свѣту. Въ этихъ условіяхъ въ Парижѣ прожилъ Руссо около пяти лѣтъ, до весны 1756 года, издавъ въ это время обѣ знаменитыя диссертаціи свои, рядъ полемическихъ отвѣтовъ и двѣ диссертаціи: «*О герояхъ*» и «*О политической экономіи*», и упрочивъ за собой широкую извѣстность, какъ выдающагося мыслителя, соперника самого Вольтера. Изъ этого періода жизни Руссо слѣдуетъ еще отмѣтить его поѣздку въ Женеву въ 1754 году, гдѣ онъ былъ принятъ снова въ число послѣдователей реформатской церкви и возстановленъ въ своихъ правахъ женевскаго гражданина. Вышедшая въ слѣдующемъ году диссертація его «*О причинахъ неравенства*» была посвящена родному городу, правительство котораго письменно благодарило за это посвященіе своего великаго гражданина.

Общій обзоръ этого мирнаго и плодотворнаго періода въ жизни и дѣятельности Руссо рисуетъ передъ нами фигуру человѣка, время котораго занято уединенными трудами, душа полна преданностью великимъ идеямъ, плодамъ своего творческаго генія, а личность окружена обаяніемъ искренности и безкорыстія, заслуженно пользуясь общей любовью и уваженіемъ. Но и теперь на этомъ свѣтломъ фонѣ не трудно разглядѣть темные узоры, странные и болѣзненные. Отказъ отъ обезпеченнаго, изряднаго дохода и уже привычнаго комфорта—это свѣтлый фонъ, но шаржъ въ исполненіи этого шага, сопряженный даже съ обидой его искреннихъ доброжелателей, конечно не вызывался его идеями и скорѣе противорѣчитъ, чѣмъ отвѣчаетъ его благородной рѣшимости... Удаленіе изъ общества еще болѣе обставлено поступками, которые можно было считать тогда за чудачество, но которые впослѣдствій, въ свѣтѣ его дальнѣйшей душевной жизни, можно признать за первыя проявленія той невропатической наслѣдственности, которую мы видѣли въ дѣтствѣ и отрочествѣ Руссо и которая позже развилась въ подлинную душевную болѣзнь. Идея преслѣдованія тоже уже стала сказываться у Руссо. Правда, его друзья-философы начали уже въ это время свой походъ противъ еретика, но покуда довольно осторожно, и самъ Руссо еще боролся довольно успѣшно съ одолѣвавшими его подозрѣніями. Онъ имѣлъ впрочемъ и искреннихъ друзей. Въ числѣ ихъ была одна красивая аристократка Д'Эпине. Она уговорила Жанъ-Жака весною 1756 года посе-

литься въ уединенномъ маленькомъ коттеджѣ въ лѣсу, въ ея имѣньи, подъ Парижемъ. Это простая лачужка, которая по своему мѣстоположенію однажды во время прогулки очень понравилась Руссо, была ремонтирована, отдѣлана въ простомъ вкусѣ Жанъ-Жака и предложена ему съ дружеской искренностью. «Мой милый медвѣдь,—сказала ему Д'Эпине, приведя его къ хижинѣ, названной «Эрмитажемъ»,—вотъ вашъ скитъ». Руссо согласился и 9-го апрѣля 1756 года переселился въ «Эрмитажъ», гдѣ прожилъ полтора года. Этотъ относительно короткій періодъ въ жизни Руссо богатъ однако фактами и внѣшней, и внутренней жизни.

Почки уже распускались на деревьяхъ, цвѣли въ рощахъ примулы и фіалки и соловей пѣлъ свою первую весеннюю пѣсню, когда Жанъ-Жакъ съ Терезой и старухой Левассеръ впервые въѣхалъ въ свой скитъ. Мы знаемъ то обаяніе, которое чувствовалъ Руссо въ объятіяхъ природы. Онъ самъ говоритъ, что въ «Эрмитажѣ», послѣ долгой городской жизни, онъ воскресъ душой, снова почувствовалъ счастье и радости жизни. Это новое свиданіе, это страстное сожительство его души съ природой наполняли такими радостями его жизнь, что, спустя многіе годы, отразились въ его «Confessions» чудными страницами, яркими картинами, обаятельными образами и впечатлѣніями. Здѣсь, на этихъ уединенныхъ прогулкахъ, настраиваемый этимъ сердечнымъ общеніемъ съ природой, Руссо мечталъ о любви и счастьи, создавалъ яркіе образы и картины, переживалъ фантастическую жизнь героевъ и героинь своего воображенія и постепенно, среди этихъ творческихъ видѣній, вынашивалъ художественную концепцію «*Новой Элоизы*» и «*Эмиля*». Написаны были эти произведенія впослѣдствіи, но здѣсь, въ «Эрмитажѣ», сложились идеи и создались основные образы.

Любилъ, волновался и страдалъ въ это время Руссо не только за героевъ своего воображенія. Онъ пережилъ серьезную страсть и за свой собственный счетъ. Молодая графиня Удето, кузина и невѣстка m-me Д'Эпине, была героиней послѣдней любви Жанъ-Жака. Болѣе, нежели скудная семейная жизнь, раздоры съ друзьями, чувствительный и сумасбродный характеръ, все соединилось, чтобы создать потребность въ любви и ласкѣ. Отзывчивое, доброе сердце молодой аристократки, ея ласковое къ нему вниманіе, а быть-

можетъ и нѣсколько неосторожное кокетливое поощреніе свѣтской женщины рѣшило выборъ, и Руссо отдался своей нераздѣленной страсти съ силой и настойчивостью, какихъ не знало его чувство до того времени. Графиню считали не изъ красивыхъ. Веснушки, маленькій лобъ, неправильный носъ, круглые глаза — такъ описываютъ ея наружность современники. Но она была молода, съ чудесными черными косами, прелестно сложена, веселое, подвижное лицо, симпатичный, живой характеръ, ласкова и мила въ обращеніи, остроумна и находчива въ бесѣдѣ, граціозная танцорка, порядочная музыкантша, литературно образована, даже сама немного поэтесса. Если къ этому прибавить, что всѣ отзывы рисуютъ ее, какъ человѣка, который ни о комъ никогда не говорилъ дурного, и какъ друга, всегда вѣрнаго своему чувству и своему слову, то неудивительно, если выборъ Руссо остановился на этой милой женщинѣ. Отданная замужъ очень молодою за сильно-пожилого графа Удето, она вдобавокъ скоро имѣла несчастье убѣдиться, что мужъ продолжаетъ свои авантюры и не можетъ ручаться за вѣрность молодой супругѣ. Огорченная и обиженная, она отдалила отъ себя пожилого грѣшника. Молодой, блестящій аристократъ-писатель, маркизъ Сенъ-Ламберъ, заслужилъ ея сердечную привязанность. Она его приблизила къ себѣ и всю свою жизнь осталась вѣрна этой любви. Сенъ-Ламберъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Руссо и познакомилъ его и съ графиней Удето. Послѣ отъѣзда Сенъ-Ламбера на войну графиня продолжала знакомство. Это и было время, когда Руссо поселился въ «Эрмитажѣ», во владѣніяхъ ея кузины и пріятельницы Д'Эпине. Она сама первая сдѣлала ему визитъ въ его уединенномъ скитѣ. Это было вечеромъ. Экипажъ она оставила довольно далеко и пришла пѣшкомъ одна, раскраснѣвшаяся, оживленная, непринужденная и наполнила смѣхомъ и весельемъ его одиночество. Вскорѣ она опять пріѣхала къ нему верхомъ, въ мужскомъ платьѣ, съ обычной милой искренностью отдаваясь новой дружеской привязанности, которую она несомнѣнно питала къ Руссо. На этотъ разъ она не была такъ весела и оживлена, зато была сердечна и откровенна. Она много говорила о своей жизни, о мужѣ, о Сенъ-Ламберѣ, о своихъ мысляхъ и чувствахъ и, уѣзжая, оставила бѣднаго Жанъ-Жака окончательно покореннаго ея образу. Сама же она носила въ

сердцѣ образъ отсутствующаго Сенъ-Ламбера. Это отсутствіе и заставляло ее искать дружескаго участія. Не такое участіе нашла она у Руссо. Уже въ третье свиданіе онъ не выдержалъ и признался своей собесѣдницѣ въ своей слабости. Она дружески отклонила любовь, но не прервала свиданій. Напротивъ, Жанъ-Жакъ сдѣлался постояннымъ гостемъ ея загороднаго замка, проводилъ тамъ цѣлые дни, увлекалъ ее на уединенныя продолжительныя прогулки и томился все разгарающейся страстью. То старался онъ пробудить въ ней чувство долга къ мужу и прекратить всякія постороннія отношенія то, напротивъ, умолялъ ее отвѣтить на его страсть. Однажды, когда, упавъ къ ея ногамъ и обливая слезами ея колѣни, онъ въ страстныхъ выраженіяхъ изливалъ передъ нею свои чувства, молодая женщина была глубоко растрогана. Она расплакалась и обняла своего обожателя. «Никогда ни одинъ мужчина не любилъ лучше и нѣжнѣе»,—воскликнула она. Опьяненный этой лаской, Жанъ-Жакъ уже держалъ въ своихъ объятіяхъ свою любимую Софи, когда неожиданно раздавшаяся за стѣною сада брань извозчика заставила ее опомниться отъ охватившаго ее чувства и спасла ее отъ измѣны Сенъ-Ламберу. Она нѣжно отстранилась отъ Руссо и напомнила ему ихъ долгъ передъ отсутствующимъ ея возлюбленнымъ, а его другомъ.

Страсть эта совершенно поглотила Руссо и скоро стала басней общества. Сенъ-Ламберъ получилъ анонимное письмо. Графиня должна была совершенно отдалить отъ себя неосторожнаго поклонника. Ей удалось наружно помирить съ нимъ самого Сенъ-Ламбера, когда тотъ вернулся изъ арміи. Они вмѣстѣ даже обѣдали у Руссо. На прощаніе она его поцѣловала, но затѣмъ, ввиду несомнѣнно непрекращающейся его страсти, всякое дальнѣйшее знакомство между ними было прекращено. Они больше не видались, но графиня Удето, много пережившая и Сенъ-Ламбера, и Руссо и умершая уже въ эпоху реставраціи, сохраняла всегда нѣжную, дружескую память о своемъ поклонникѣ, и правдивые, искренніе отзывы и показанія этого сердечно-прекраснаго человѣка сняли много наслоеній клеветы и сплетенъ, которыми враги мыслителя постарались очернить его память. Жанъ-Жаку было сорокъ четыре года, когда онъ пережилъ этотъ послѣдній романъ своей жизни и когда эта поздняя страсть отдалила отъ него лучшаго и

вѣрнѣйшаго друга. Наступало между тѣмъ время, когда онъ будетъ нуждаться въ надежныхъ друзьяхъ. Онъ ихъ найдетъ, но между ними уже не будетъ наиболѣе ему нужнаго друга, нѣжной и ласковой Софи Удето.

Въ это же лѣто у Руссо произошелъ разрывъ и съ Д'Эпине. Вліяніе Гримма и Дидро было главной тому причиной, но все чаще и ярче выступавшія проявленія его невропатической наслѣдственности создали благопріятную для того почву. Рано вышедшая замужъ, красивая, съ сильнымъ характеромъ и блестящимъ умомъ, Д'Эпине, подобно своей кузинѣ, нашла въ бракѣ полное разочарованіе. Мужъ ея оказался не только безпутнымъ кутилой, но и распутнымъ, безнравственнымъ человѣкомъ. Имѣя молодую, красивую жену, онъ продолжалъ содержать нѣсколько любовницъ, продолжая участвовать въ разныхъ распутныхъ похожденіяхъ золотой молодежи. До жены это дошло не сейчасъ, а тогда только, когда безсовѣстный супругъ успѣлъ уже наградить ее постыдной болѣзнью. Оправившись отъ этого жестокаго и незаслуженнаго удара судьбы, молодая женщина конечно на всю остальную жизнь свою отдалила отъ себя развратнаго мужа, стараясь создать вокругъ себя свою, особую жизнь въ кругу друзей и среди удовольствій умственнаго общенія съ выдающимися людьми того времени. Дидро, Гриммъ, Руссо скоро стали близкими ея друзьями. Гриммъ заслужилъ даже съ ея стороны болѣе нѣжное чувство. Давно враждебно настроенный по отношенію къ Руссо, а можетъ-быть недовольный и слишкомъ сердечнымъ вниманіемъ, которое ему оказывала его нѣжная подруга, Гриммъ съ первыхъ шаговъ жизни Жанъ-Жака въ «Эрмитажѣ» оказывалъ на Д'Эпине давленіе противъ ея гостя. Но съ самостоятельнымъ характеромъ, искренно расположенная къ Руссо, она долго не поддавалась этому вліянію, даже когда къ нему присоединилось и вліяніе Дидро. Несчастный романъ Жанъ-Жака съ ея кузиной и развязка его, при посредствѣ анонимнаго письма къ Сенъ-Ламберу, были причиною разрыва. Руссо заподозрилъ въ этомъ извѣтѣ Д'Эпине и написалъ ей рѣзкое и несправедливое письмо, на которое онъ получилъ ласковый, но строгій отвѣтъ. Она протестовала противъ постыднаго обвиненія, указывала, что Руссо заслуживалъ бы за него совершеннаго исключенія изъ ея дружбы, но что она позволяетъ ему придти къ ней, чтобы полу-

чить прощеніе. Тронутый этимъ письмомъ, Руссо поспѣшилъ къ своему другу и, вопреки протестамъ Гримма, примиреніе на этотъ разъ состоялось. Вскорѣ Д'Эпине собралась съѣздить въ Женеву за совѣтомъ къ знаменитому тогда врачу Троншэну, другу Руссо. Она предложила Жанъ-Жаку сопровождать ее. Онъ однако заподозрилъ какія-то новыя козни Гримма. Вмѣшательство Дидро для улаженія недоразумѣній открыло Д'Эпине, что свое недостойное подозрѣніе по поводу письма къ Сенъ-Ламберу Руссо сообщилъ не только ей, но и Дидро. Возмущенная этимъ открытіемъ, она рѣшительно порвала всякія отношенія къ Руссо. Отношенія Руссо съ Гриммомъ порвались конечно одновременно; также и съ Дидро. Эта личная ссора впрочемъ только закрѣпила уже явный литературный разрывъ между двумя философами, но разрывъ съ такимъ другомъ, какъ Д'Эпине, былъ серьезной и трудно вознаградимой потерей для Руссо. Эта дама оказалась далеко не столь великодушной и справедливой, какъ ея кузина. Д'Эпине оставила мемуары, въ которыхъ не пощадила своего бывшаго друга. Историческая критика обнаружила при этомъ, что показанія злопамятной красавицы не всегда отличались правдивостью. Такимъ образомъ въ сравнительно короткое время Руссо порвалъ отношенія со всѣмъ тѣмъ дружескимъ кругомъ, въ которомъ вращался втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Удето и Д'Эпине, Сенъ-Ламберъ, Дидро и Гриммъ были имъ потеряны, и совершенно одинокій, оскорбленный, съ озлобленными женщинами своей семьи, онъ 15 декабря 1757 года оставилъ «Эрмитажъ», куда еще такъ недавно переѣзжалъ съ такими радужными мечтами!

Изъ «Эрмитажа» Руссо переселился въ сосѣднюю деревушку, принадлежавшую помѣстью Монморанси, въ простую сельскую лачужку, достаточно тѣсную, чтобы отослать старуху Левассеръ въ Парижъ Здѣсь, въ этой хижинѣ, прожилъ Руссо около полутора года и отсюда издалъ свое знаменитое открытое письмо Далам беру, этотъ явный вызовъ Вольтеру и философамъ. Сочиненіе имѣло громадный успѣхъ и произвело сенсацію. Это увлеченіе читателей и озлобленіе философовъ могло служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ болѣзненному мыслителю, проводившему въ одиночествѣ свои дни въ лачужкѣ, гдѣ одна горенка служила и кухней, и столовой, и спальней, и кабинетомъ. Тереза была единственнымъ

обществомъ, сельская природа—единственной радостью. Лѣтомъ 1759 года завязываются однако у Руссо новыя отношенія, имѣвшія большое значеніе для послѣдующей его жизни. Совершенно неожиданно для себя и для своихъ прежнихъ отрекшихся отъ него друзей, онъ входитъ въ это время въ кругъ самой высшей и могущественной аристократіи. Помѣстье Монморанси принадлежало тогда герцогу Люксембургу, который въ 1759 году пріѣхалъ въ Монморансійскій замокъ провести лѣто. Маршалъ Франціи, пэръ королевства, приближенный короля, родственникъ королевскаго дома, одинъ изъ первыхъ вельможъ и сановниковъ, герцогъ Люксембургъ принадлежалъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ людей своего времени. Почитатель литературнаго таланта Руссо, онъ сдѣлалъ ему визитъ въ его хижинѣ весной 1759 г., какъ только прибылъ въ Монморанси. Руссо ему отдалъ визитъ, а радушная любезность герцогини сдѣлала его вскорѣ обычнымъ посѣтителемъ сосѣдняго замка. Герцогиня обласкала даже Терезу, тогда еще невѣнчанную подругу Жанъ-Жака. Съ нимъ же она держала себя такъ просто, непринужденно и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково, что успѣла вскорѣ разсѣять въ его душѣ всѣ предубѣжденія противъ дружбы съ этими знатнѣйшими аристократами королевства. Руссо презираетъ ихъ титулы, привилегіи и богатства, но не можетъ отказать въ уваженіи ихъ личнымъ достоинствамъ. Онъ имъ читалъ отрывки изъ своихъ сочиненій, изъ «*Новой Элоизы*» и изъ «*Эмиля*», и эта дружеская связь крѣпла и развивалась. Руссо наконецъ принялъ предложеніе герцогини переѣхать въ одинъ изъ павильоновъ замка, гдѣ онъ жилъ совершенно самостоятельно, посѣщая замокъ, когда вздумается, знакомясь или не знакомясь съ герцогскими гостями, предаваясь литературнымъ трудамъ и отдыхая на прогулкахъ. «*Новая Элоиза*», «*Общественный договоръ*» и «*Эмиль*» написаны въ этомъ павильонѣ замка Монморанси. Отсюда же они были выпущены въ свѣтъ, взволновали міръ и заставили автора искать спасенія въ бѣгствѣ. Здѣсь же Руссо нашелъ новыхъ друзей. Кромѣ герцога и герцогини Люксембургъ, въ ихъ числѣ надо назвать принца крови Конти и Малерба. «Руссо покинулъ прежнихъ друзей,—язвилъ Гриммъ,—чтобы войти въ придворныя сферы». Дѣйствительно, только нежеланіе самого Руссо было причиной, что онъ не былъ

представленъ королю и что ему не была назначена королевская пенсія за литературныя заслуги. Онъ строго оберегалъ свою независимость и былъ вдвойнѣ правъ. Онъ готовилъ произведенія, за которыя король затруднился бы назначить пенсію.

Въ февралѣ 1761 г. была выпущена «*Новая Элоиза*». Я уже упоминалъ о колоссальномъ, невиданномъ успѣхѣ этой книги. Она внесла новую струю въ личную жизнь ея автора. Графиня Де-Бло не даромъ выразилась, что «чувствительная женщина, прочитавшая «*Новую Элоизу*», ни въ чемъ не могла бы отказать ея автору». Дѣйствительно, многія дамы заочно влюблялись въ Руссо, вступали съ нимъ въ переписку, рисовали его въ своемъ воображеніи въ видѣ Сенъ-Пре, а себя—въ видѣ Юліи, и этими запоздалыми знаками женской любви и ласки приносили одинокому больному автору больше затрудненій, нежели радости. Особенно одна молодая аристократка, Де-Латуръ-де-Франкевиль, страстно увлеклась авторомъ «*Новой Элоизы*». Чувство этой романтической женщины съ вѣрнымъ и преданнымъ сердцемъ пережило всѣ испытанія,—суровость его отвѣтовъ, семейныя непріятности дома, обвиненія и клеветы, сыпавшіяся на его голову. Она видѣла его всего три раза въ жизни, озлобленнаго, почти съ нею грубаго, разбитаго жизнью и годами, больного физически и душевно. Это не ослабило ея чувства, и она пронесла его до могилы, оставаясь всегда самой пламенной и вѣрной защитницей престарѣлаго душевно больного философа. Такое чувство раньше могло бы составить счастье всей жизни Жанъ-Жака, но безжалостная судьба улыбнулась ему этимъ чувствомъ, когда было уже слишкомъ поздно.

Въ началѣ 1762 года вышелъ «*Общественный Договоръ*», а весной того же года—и «*Эмиль*». Друзья Руссо, ознакомившіеся въ рукописи и въ корректурахъ съ наиболѣе выдающимися страницами этого послѣдняго произведенія, совѣтовали снять имя автора съ книги. Тогда авторъ могъ бы спокойно посмѣиваться надъ торжественнымъ осужденіемъ книги и съ улыбкой торжества смотрѣть, какъ палачъ будетъ жечь ее на площади. Это не остановило бы, а только помогло ея распространенію. Такъ поступалъ нерѣдко самъ Вольтеръ. Однако Руссо наотрѣзъ отказался отъ этого совѣта, заявивъ, что, выступая съ горячими и безпощадными

обличеніями существующаго строя и его дѣятелей, онъ считалъ бы безчестнымъ прятаться отъ обличаемыхъ. Пусть они знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Онъ не боится ихъ критики и злобы. Онъ съумѣетъ защищать свои идеи съ поднятымъ забраломъ. Если же его противники прибѣгнутъ къ нелитературнымъ и нефилософскимъ орудіямъ борьбы, то тѣмъ хуже для нихъ: они этимъ сами осудятъ защищаемыя ими идеи и установленія. Противники дѣйствительно не побоялись этого самоосужденія; книга была конфискована и и предана суду парижскаго парламента, который присудилъ ее къ сожженію рукой палача, а дерзкаго автора приказалъ бросить въ тюрьму за нападеніе на религію и нравственность. Принцъ Конти, успѣвшій во-время провѣдать о состоявшемся приговорѣ, далъ немедленно о томъ знать въ Монморанси герцогинѣ Люксембургъ, которая ночью подняла съ постели уже спавшаго Руссо, чтобы успѣть снарядить его къ бѣгству. 10 іюня 1762 года, въ четыре часа дня, Жанъ-Жакъ оставилъ гостепріимный кровъ замка и направился на югъ Франціи, чтобы пробраться въ родную Швейцарію, гдѣ надѣялся найти убѣжище. Его узнавали во многихъ мѣстахъ Франціи, но не спѣшили исполнить декретъ высшаго парижскаго судилища. Его литературная популярность была тому причиной столько же, сколько и всѣмъ извѣстная дружба такихъ могущественныхъ людей, какъ Конти и Люксембургъ. Переѣхавъ швейцарскую границу, Руссо не рѣшился поселиться въ Женевѣ, гдѣ ненависть консервативно-аристократическаго и фанатически-кальвинистскаго правительства и озлобленная враждебная пропаганда Вольтера не обѣщали ему мира и спокойствія. Онъ проѣхалъ въ Ивердюнъ въ Водуазскомъ кантонѣ и поселился здѣсь у своего старинаго друга, Рогэна. Это было 14 іюня, а менѣе нежели черезъ мѣсяцъ онъ долженъ былъ спасаться и изъ этого убѣжища. 19 іюня женевское правительство декретировало сожженіе «*Эмиля*» и «*Общественнаго Договора*» и воспрещеніе автору пребыванія въ предѣлахъ кантона. Примѣру Женевы затѣмъ послѣдовалъ и Бернъ, часть котораго составляла тогда и водуазская область. 10 іюля Руссо оставилъ свободную Швейцарію и выѣхалъ въ Невшатель, кантонъ, состоявшій тогда во владѣніи прусскаго короля. Просвѣщенный англійскій лордъ Георгъ Кейтъ былъ здѣсь губернаторомъ. Онъ предложилъ убѣжище гонимому

философу, а Фридрихъ II даже хотѣлъ назначить ему пенсію, но всегда себѣ вѣрный Руссо отклонилъ эту милость. Онъ поселился въ деревушкѣ Мотье, куда вскорѣ къ нему пріѣхала изъ Парижа и Тереза. Здѣсь онъ прожилъ около трехъ лѣтъ.

Первое время жизни въ Мотье Жанъ-Жакъ совершенно удалился отъ литературы и философской борьбы. Онъ предавался музыкѣ, дружескимъ бесѣдамъ съ крестьянами, физическому труду и уединеннымъ прогулкамъ въ горахъ и лѣсахъ этого оригинальнаго уголка Альпъ, менѣе роскошнаго, болѣе суроваго и скуднаго, нежели родные ему берега Лемана и Роны или сроднившіяся съ его душой долины Савойи, но не меньше прелести и обаянія «любовникъ не тщеславный умѣлъ найти мечтою своенравной» и въ этихъ новыхъ картинахъ и впечатлѣніяхъ природы. Всегда религіозный (хотя и на свой ладъ), Руссо посѣщалъ церковь, ходилъ къ причастію и принималъ участіе въ религіозной жизни своего прихода. Измученная душа Руссо, по временамъ омрачаемая припадками душевной болѣзни, начинала отдыхать въ условіяхъ этой мирной деревенской идилліи. Руссо мечталъ удалиться отъ треволненій міра и окончить жизнь въ безвѣстности на лонѣ природы среди столь же безвѣстныхъ міру простыхъ сосѣдей. Это было уже невозможно. Его геній уже развернулъ всю свою силу. Его всемірно-историческое дѣло уже стало передъ народами во весь свой ростъ. Американскіе пуритане уже готовились поднять оружіе во имя его идей. Все мыслящее молодое поколѣніе Франціи уже воспитывало въ себѣ ту же готовность. Корсиканцы и поляки обращались къ нему съ просьбой даровать имъ кодексъ конституціи; короли и принцы просили указаній въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей; писатели и мыслители искали свиданія и вступали въ переписку. Въ родной Женевѣ демократія волновалась, настойчиво требуя отмѣны декрета. Католическіе прелаты, протестантскіе пасторы и невѣрующіе философы продолжали яростную полемику противъ одинокаго изгнанника. Тотъ, кто дерзнулъ поднять на свои плечи судьбы міра, уже не могъ въ безвѣстности искать спасенія отъ треволненій, борьбы и гоненій. Битва стала и необходимостью, и обязанностью; гоненія — неизбѣжнымъ послѣдствіемъ; душевная болѣзнь—естественнымъ и необходимымъ

исходомъ изъ этого сочетанія такихъ условій и невропатической наслѣдственности.

Парижскій архіепископъ Христофъ-де-Бомонъ, не довольствуясь нелитературными средствами борьбы, къ которымъ прибѣгала католическая церковь, выступилъ противъ Руссо и съ литературной критикой. Жанъ-Жакъ отвѣтилъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ своихъ произведеній. Его новое сочиненіе конечно тоже было осуждено и сожжено. Подобное же запрещеніе декретировало между прочимъ и женевское правительство. Это возмутило Руссо, и онъ торжественно отказался отъ правъ женевскаго гражданина. Декретъ этотъ возмутилъ не одного Руссо, но и многочисленныхъ его сторонниковъ Женевы Они подали протестъ и требовали отмѣны всѣхъ декретовъ противъ Руссо и его сочиненій. Трижды женевская демократія предъявляла свои требованія, трижды правительство отказывало ей въ этомъ требованіи. Городъ раздѣлился на партіи, въ воздухѣ начиналъ носиться призракъ междоусобія. Руссо старался успокоить своихъ сторонниковъ, когда другъ Вольтера, бывшій другъ самого Руссо, уже упомянутый Троншэнъ, состоявшій членомъ законодательнаго совѣта Женевы, опубликовалъ талантливое и искусно-составленное рѣзкое нападеніе на Руссо подъ заглавіемъ «Lettres écrites de la campagne». Руссо не могъ не принять этого вызова и отвѣтомъ были его знаменитыя Lettres écrites de la Montagne. Отъ тонкой работы Троншэна не осталось и камня на камнѣ. Противникъ былъ поваленъ, и идеи «*Эмиля*» получили болѣе, чѣмъ когда-либо, рѣшительное, яркое и талантливое изложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое примиреніе съ протестантской церковью стало немыслимымъ. Исторія вершила свое дѣло, и Руссо долженъ былъ выполнять тяжелый долгъ, возложенный на него. «*Письма съ Горы*» вышли въ 1764 году и вызвали въ протестантскомъ лагерѣ цѣлую бурю негодованія, преслѣдованія и обвиненія. Эта буря заплеснула и въ мирный Невшатель, гдѣ спасался неугомонный философъ, но гдѣ населеніе исповѣдывало тотъ же кальвинизмъ, какъ и атакованная Жанъ-Жакомъ женевская церковь. Невшательскій синодъ предписалъ Монмоллену, пастору прихода Мотье, созвать приходскую консисторію, вызвать на ея судъ Руссо, потребовать отъ него отреченія отъ высказанныхъ имъ мнѣній и, въ случаѣ отказа, отлучить

отъ церкви. Монмолленъ созвалъ консисторію подъ своимъ предсѣдательствомъ изъ семи членовъ. Руссо былъ вызванъ къ суду, но не явился, прославъ заявленіе, что «въ своихъ вѣрованіяхъ онъ обязанъ отчетомъ только Богу». Тѣмъ не менѣе Монмоллену не удалось добиться отъ консисторіи осужденія. Четыре крестьянина, приглашенные судить идеи философа, признали себя некомпетентными. Дѣло было перенесено въ правительственный совѣтъ Невшателя, гдѣ рѣшеніе состоялось въ пользу Руссо, и ему было разрѣшено второе изданіе «*Писемъ съ Горы*». Эта неудача озлобила протестантское духовенство. Начались проповѣди противъ его нечестія и безбожія. Невѣжественное населеніе систематически возстановлялось противъ ненавистнаго писателя Эта проповѣдь постепенно, но не вдругъ дѣлала свое дѣло. Нерасположеніе окрестнаго населенія росло и начинало переходить въ озлобленіе противъ еретика, бравировавшаго осужденіемъ пасторовъ и ихъ покорной паствы. Пребываніе становилось небезопаснымъ, когда положеніе еще больше обострилось. Вольтеръ, все яснѣе сознававшій, что всѣ личныя невзгоды Руссо только усиливаютъ популярность его идей и что все искусство, которое онъ, Вольтеръ, затратилъ на полемику, не помѣшало вырости авторитету ненавистнаго противника, прибѣгъ къ послѣднему средству. Онъ выпустилъ въ 1765 году книжку подъ заглавіемъ «Sentimens des Citoyens», гдѣ перенесъ полемику на личную почву. Собравъ всяческія сплетни, анонимный авторъ (Вольтеръ не выставилъ имени) обвиняетъ Руссо во всевозможныхъ гнусныхъ преступленіяхъ и порокахъ (даже въ убійствѣ). Эта недостойная брошюра послужила новымъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ невшательскихъ пасторовъ. Съ этими сплетнями въ рукахъ они успѣли возбудить страсти уже и безъ того возстановленнаго населенія. Въ него и въ Терезу стали бросать каменья, грозили застрѣлить, а въ ночь на 7-е сентября его квартира подверглась такой бомбардировкѣ, что всѣ стекла были перебиты, галлерея усыпана камнями, а многія влетали и во внутреннія комнаты. Руссо долженъ былъ немедленно оставить Мотье. Временное убѣжище онъ нашелъ на островѣ св. Петра на Віенскомъ озерѣ. Островъ этотъ однако принадлежалъ Бернскому кантону, и бернское правительство вскорѣ предложило оставить территорію кантона. Напрасно

Руссо давалъ обѣщаніе ничего не писать болѣе; напрасно онъ просилъ бернскихъ правителей хотя-бы посадить его въ заключеніе, но не изгонять изъ родныхъ горъ, республиканское правительство было непреклонно. Около двухъ мѣсяцевъ пробылъ Руссо на этомъ островѣ, этомъ очаровательнѣйшемъ уголкѣ Швейцаріи. Въ ноябрѣ 1765 онъ оставилъ островъ св. Петра и навсегда разстался со своимъ швейцарскимъ отечествомъ.

Куда теперь могъ направить свой путь гонимый писатель? Во Франціи, Швейцаріи, Италіи, Южной Германіи, Нидерландахъ, всюду, гдѣ властвовала католическая церковь и кальвинистскіе синоды, ему не было мѣста. Его звали польскіе и русскіе вельможи въ свои помѣстья, но тамъ господствовали рабство и невѣжество, тамъ была чужая и суровая природа. Онъ предпочелъ Англію, куда его приглашалъ Юмъ. Благодаря своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ, онъ благополучно и неторопясь пробрался черезъ Францію. Въ Страсбургѣ онъ былъ предметомъ овацій и чествованій. Въ Парижѣ онъ прожилъ около мѣсяца во дворцѣ принца Конти, куда сходился къ нему на поклоненіе «весь Парижъ». Въ январѣ 1766 года онъ прибылъ въ Англію, гдѣ скоро устроился въ графствѣ Дерби, въ деревнѣ Вутонъ. Здѣсь началъ онъ свое послѣднее великое произведеніе «Исповѣдь» и здѣсь же имъ овладѣлъ давно подготовлявшійся жестокій недугъ. Ссора его съ Юмомъ была уже очевидно патологическаго характера и исходила изъ того бреда преслѣдованія, который окончательно овладѣлъ его больными мозгами. Онъ видѣлъ галлюцинаціи, всюду находилъ преслѣдователей и шпіоновъ, создавалъ цѣлыя, никогда не существовавшія сцены, заговоры. Онъ однако еще настолько владѣлъ собою, что отказался отъ пенсіи короля англійскаго, какъ прежде отъ пенсій королей французскаго и прусскаго. Больная фантазія рисовала ему картины и перспективы все болѣе тяжелыя и ужасныя. Кончилось это тѣмъ, что 1-го мая 1767 года онъ тайно скрылся изъ Вутона. Нѣкоторое время онъ странствовалъ по Англіи въ состояніи явнаго помѣшательства, пока однажды не переправился внезапно во Францію и не попалъ случайно къ Мирабо, гдѣ его пріютили, успокоили и дали знать его парижскимъ друзьямъ. Принцъ Конти его укрылъ въ одномъ изъ своихъ провинціальныхъ замковъ; здѣсь онъ жилъ подъ вымы-

шленной фамиліей и первое время нѣсколько оправился отъ мучившихъ его призраковъ преслѣдованія и предательства. Онъ отдыхалъ, наслаждался природой, снова принялся за свои труды, но злой недугъ снова аттаковалъ его, и онъ бросилъ гостепріимный замокъ лѣтомъ 1768 года. Около двухъ лѣтъ послѣ этого провелъ Руссо въ вѣчныхъ странствованіяхъ по южной Франціи, останавливаясь въ Ліонѣ, Марсели, любимомъ поэтическомъ Шамбери, Греноблѣ и другихъ мѣстностяхъ, то нѣсколько приходя въ себя, отдыхая въ деревняхъ, дописывая «Confessions», то снова охватываемый призрачными страхами, воображаемыми кознями, отъ которыхъ снова и снова спасался бѣгствомъ. Тереза то присоединялась къ нему въ болѣе свѣтлые періоды его душевнаго состоянія, то снова теряла изъ вида своего больного, страдающаго, старѣющаго мужа. Эти острые припадки злого недуга прекратились однако къ концу 1770 года, когда Руссо прибылъ и поселился въ Парижѣ

Восемь лѣтъ прожилъ Жанъ-Жакъ въ столицѣ Франціи. Болѣзнь, перешедшая въ спокойное состояніе, не покидала однако его помраченнаго ума. Все, что онъ написалъ въ это время, было направлено къ выясненію все той же больной идеи преслѣдованія и предательства, которыя будто-бы постоянно окружали его Такова его книга «Жанъ-Жакъ передъ судомъ Руссо», таковы его «Прогулки», исполненныя многихъ поэтическихъ страницъ, касающихся природы, и написанныя все съ тою же цѣлью обличить своихъ преслѣдователей и предателей. Личная жизнь Руссо за эти послѣднія восемь лѣтъ его жизни очень бѣдна фактами. Все время онъ прожилъ въ одной и той-же тѣсной квартирѣ (въ одну комнату, которая была и кухня,), на улицѣ, которая теперь носитъ его имя; снискивалъ себѣ пропитаніе перепиской нотъ, писалъ свои послѣднія упомянутыя произведенія; принималъ немногочисленныхъ друзей; иногда посѣщалъ общество, гдѣ читалъ отрывки «*Исповѣди*», и медленно угасалъ. Незадолго до смерти ему предложили уѣхать въ деревню, поближе къ любимой природѣ. Весною 1778 года онъ дѣйствительно переселился въ Эрменонвиль, гдѣ черезъ полтора мѣсяца, 2-го іюля, умеръ отъ апоплексическаго удара, какъ принимаетъ большинство біографовъ. Существуетъ впрочемъ не лишенное доводовъ мнѣніе, что это

было самоубійство. Вопросъ остался неразъясненнымъ. Руссо скончался шестидесяти-шести лѣтъ отъ роду, свершивъ для міра конечно все, что могъ совершить, давно тяготясь жизнью и тяготя ею всѣхъ окружающихъ.

Теперь, когда мы прослѣдили шагъ за шагомъ всю жизнь Жанъ-Жака, какіе психологическіе и какіе историческіе итоги мы можемъ подвести подъ этой разноцѣнной колонной цифръ его существованія? Историческіе итоги записаны на самыхъ видныхъ и вліятельныхъ страницахъ, изображающихъ судьбы человѣчества. Они такъ велики и тяжелы, что изумляешься, какъ могъ одинъ человѣкъ поднять ихъ на свои человѣческія и смертныя плечи? И какъ могъ онъ выдержать эту тяжесть? Онъ и не выдержалъ однако. Изъ ряду выдающійся геній помогъ ему поднять эту задачу Ограниченныя силы душевной выносливости не позволили до конца вынести одному проблему цѣлаго поколѣнія. Невропатическая наслѣдственность разрѣшила эту коллизію посредствомъ душевной болѣзни. Однако прелаты, пасторы и философы напрасно торжествовали. Молодое поколѣніе Стараго и Новаго Свѣта взяло задачу въ свои руки, и народы скоро затрепетали идеями уже успокоившагося въ могилѣ, изстрадавшагося, но не извѣрившагося Жанъ-Жака. И эта вѣра въ человѣка, въ его достоинство и добрую природу, въ его неотъемлемыя человѣческія права осталась лучшимъ завѣщаніемъ великаго XVIII вѣка, лучшимъ его украшеніемъ и самымъ сильнымъ импульсомъ великихъ послѣдующихъ событій. Изувѣры реставраціи могли выбросить тѣло Руссо изъ почетной гробницы Пантеона, но никакія темныя силы не могли истребить этой вѣры и лишить человѣчество великаго плода его творческаго генія.